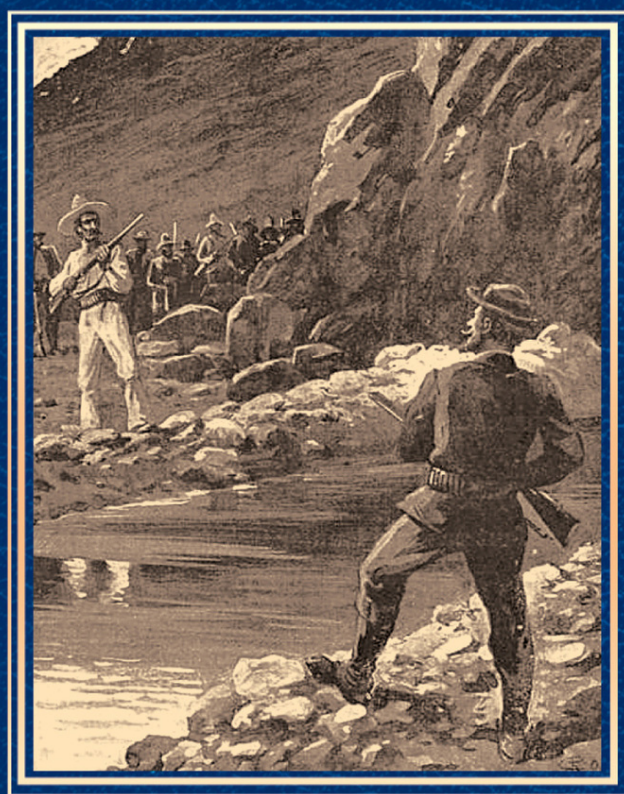


Жюль Верн

Золотой вулкан



МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Жюль Верн
Золотой вулкан

«ВЕЧЕ»

1906

Верн Ж. Г.

Золотой вулкан / Ж. Г. Верн — «ВЕЧЕ», 1906 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4444-9165-2

Двоюродные братья-канадцы получают неожиданное наследство. Их дядюшка-нелюдим был человеком рисковым, предприимчивым, от него остался неразработанный прииск в Клондайке, который в итоге может оказаться совершеннейшей пустышкой. Так считает один из наследников. Второй думает иначе. Но подобные споры длятся недолго: золотая лихорадка – штука заразная. И вот уже оба кузена отправляются на охоту за птицей удачи. Впереди их ждет немало приключений – перестрелки с бандитами, бокс с медведями, борьба не только с разбушевавшейся стихией, но и с самими собой. Мысль о том, что вместе с миллионами можно обрести и миллион проблем, становится все сильнее.

ISBN 978-5-4444-9165-2

© Верн Ж. Г., 1906

© ВЕЧЕ, 1906

Содержание

Часть первая	8
Глава первая. Американский дядюшка	8
Глава вторая. Сумми Ским против желания вовлекается в приключения	17
Глава третья. В дороге	26
Глава четвертая. Досадное соседство	33
Глава пятая. На борту «Фут-Бола»	39
Глава шестая. Жанна Эджергон и К°	48
Глава седьмая. Чилкут	55
Глава восьмая. К северу	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

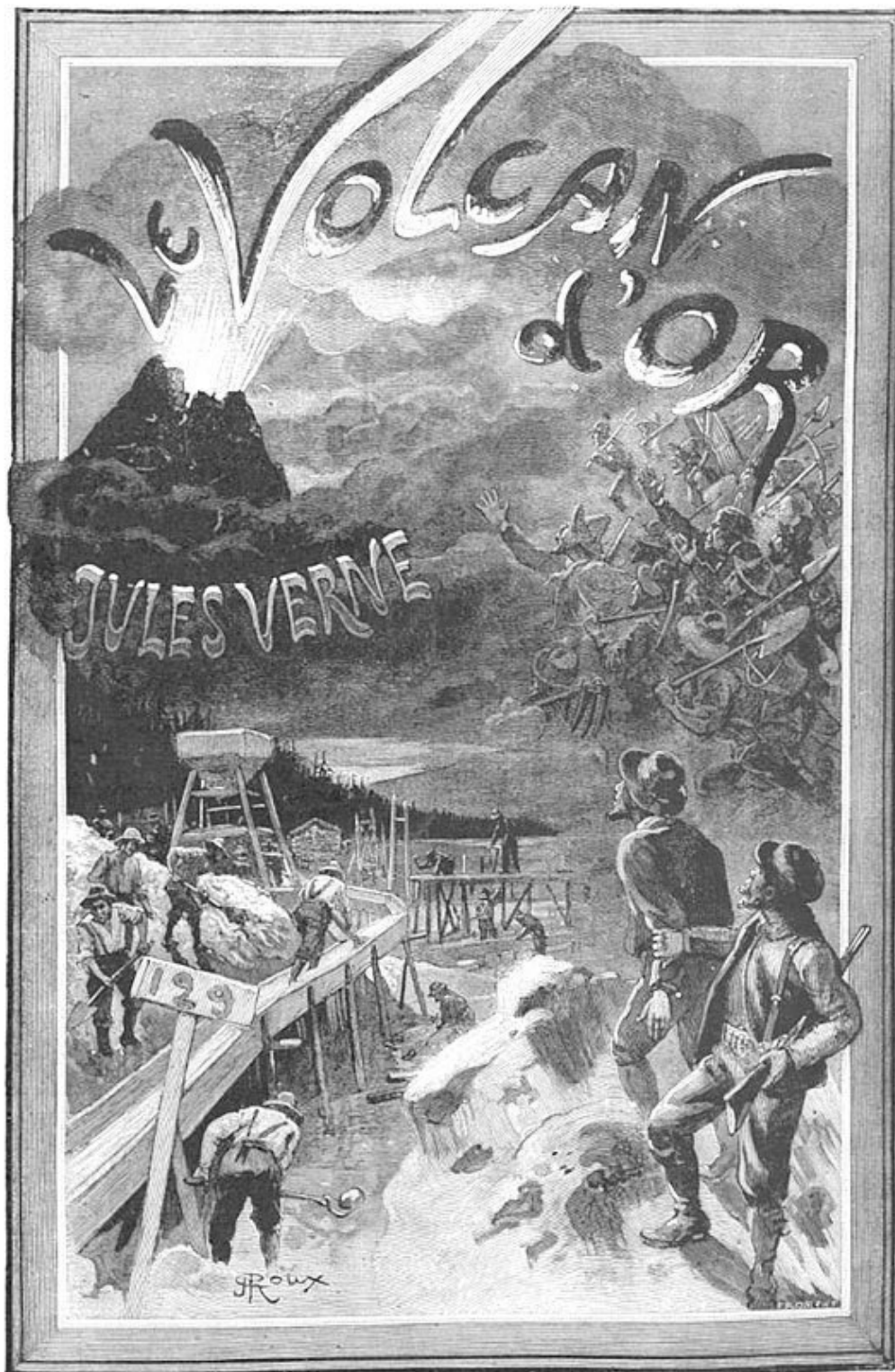
Жюль Верн

Золотой вулкан

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

COLLECTION HETZEL





Часть первая

Глава первая. Американский дядюшка

17 марта 1898 года почтальон улицы Жака Картье в Монреале доставил в дом № 29 письмо, адресованное господину Сумми Скиму.

Это письмо гласило:

«Нотариус Снуббин, выражая свое почтение господину Сумми Скиму, просит пожаловать немедленно в контору по делу, касающемуся его интересов».

По какому поводу нотариус хотел видеть господина Сумми Скипа? Как и все в Монреале, последний знал нотариуса Снуббина как прекрасного человека и верного, осторожного советника. Он был канадец по происхождению и имел лучшую нотариальную контору в городе. Шестьдесят лет назад она принадлежала известному нотариусу Нику (гурону¹ по рождению, настоящее имя которого было Николас Сагамор), сыгравшему весьма важную роль в ужасном деле Моргаза, что так прогремело в 1837 году².

Сумми Ским, крайне удивленный письмом нотариуса Снуббина, тотчас отправился по приглашению; через полчаса он уже был на площади рынка Бон-Секур и входил в кабинет нотариуса.

– Добрый день, господин Ским! – встретил его нотариус. – К вашим услугам...

– И я также к вашим услугам, – ответил Сумми Ским, усаживаясь у стола.

– Вы первый пришли на свидание, господин Ским.

– Первый, говорите вы, господин Снуббин? А разве я приглашен к вам не один?

– Такое же письмо, какое получили вы, должен был получить и ваш кузен, господин Бен Раддл.

– В таком случае следовало бы сказать не «должен был получить», а «получит», – заявил Сумми Ским. – Бена Раддла сейчас нет в Монреале.

– А он скоро вернется?

– Через три или четыре дня.

– Вот досада!

– То, что вы хотите нам сообщить, настолько спешно?..

– Да, если хотите, – ответил нотариус. – Во всяком случае, я сообщу вам, в чем заключается дело, о котором мне поручено известить вас, а вы уж не откажите передать о нем господину Бену Раддлу, когда он вернется.

Нотариус надел очки и порылся в разбросанных на столе бумагах. Взяв один из конвертов и вынув из него письмо, он, прежде чем начать читать, сказал:

– Ведь господин Ским и господин Раддл – племянники господина Жозиаса Лакоста?

– Да, моя мать и мать Бена Раддла были его сестрами. Но со времени их смерти – уже семь или восемь лет – всякие сношения между нами и дядюшкой прервались. Нас разъединили совершенно разные интересы. Дядюшка уехал из Канады в Европу... Одним словом, с тех пор он не давал о себе никаких вестей, и мы не знаем, что случилось с ним.

¹ Гуроны – некогда могущественное индейское племя, истребленное американцами. Гуроны занимали области к северу от озера Онтарио и реки Святого Лаврентия и восточные берега озера Гурон.

² Эта драма легла в основу романа «Безымянное семейство». – *Примеч. авт.*

– Он умер, – объявил нотариус Снуббин. – Я только что получил известие о его кончине, последовавшей шестнадцатого февраля.

Хотя всякие отношения между Жозиасом Лакостом и его родственниками давно уже прекратились, это известие все же огорчило Сумми Ским. Его кузен Бен Раддл и он не имели ни отца, ни матери. Единственные дети своих родителей, они оставались со смертью дяди одни на свете. Сумми Ским думал теперь об этом. Несколько раз они пытались узнать, что случилось с их дядюшкой. Они все же надеялись увидеть его когда-нибудь, и вот его смерть разрушила эту надежду.

Жозиас Лакост, малообщительный по натуре, был всегда очень предприимчивым человеком. Лет двадцать назад он уехал из Канады с целью составить себе состояние. Будучи холостяком, он не боялся рисковать, чтобы с помощью разных спекуляций увеличить то небольшое состояние, которым обладал. Осуществилась ли его надежда? Не разорился ли он? Его темперамент заставлял его рисковать всем и во всем. Племянники были единственными его наследниками. Получат ли они что-нибудь после его смерти?

По правде говоря, Сумми Ским никогда об этом не думал. По-видимому, он не думал об этом и теперь, взволнованный известием о смерти родственника.

Нотариус Снуббин, предоставив клиента самому себе, ожидал, когда последний обратится к нему с вопросами, на которые он уже приготовился отвечать.

– Господин Снуббин, – спросил Сумми Ским, – смерть нашего дядюшки последовала шестнадцатого февраля?

– Да, шестнадцатого февраля, господин Ским.

– Вот уже двадцать девять дней?..

– Да, двадцать девять дней. Столько времени потребовалось на то, чтобы это известие дошло до меня...

– Значит, наш дядюшка был в Европе, в какой-нибудь отдаленной ее части? – спросил Сумми Ским.

– Нет, совсем нет, – ответил нотариус.

Он протянул собеседнику конверт, на котором стоял канадский штампель.

– Вы с господином Беном Раддлом – наследники настоящего американского дядюшки. Теперь остается только выяснить, обладает ли этот дядюшка всеми классическими качествами американского дядюшки.

– Итак, – сказал Сумми Ским, – он находился в Канаде, и мы ничего об этом не знали.

– Да, в Канаде. Но в самой отдаленной ее части, почти на границе, отделяющей нашу страну от Аляски, сообщение с которой медленно и затруднительно.

– Это Клондайк, как я полагаю, господин Снуббин?

– Да, ваш дядюшка обосновался месяцев девять назад в Клондайке.

– Девять месяцев! – повторил Сумми Ским. – Проезжая через Америку в эту область золотой руды, он даже не подумал заглянуть в Монреаль пожать руку своим племянникам!..

– Что вы хотите? – ответил нотариус. – Вероятно, господин Жозиас Лакост торопился в Клондайк, как спешат туда тысячи... я сказал бы, тысячи больных, одержимых золотой лихорадкой, которая сделала и сделает еще многих несчастными. Со всех концов мира стекаются к залежам золота тысячи людей. После Австралии – Калифорния, после Калифорнии – Трансвааль, после Трансвааля – Клондайк. После Клондайка найдутся какие-нибудь другие золотоносные земли... И так будет продолжаться до последнего дня... я хочу сказать – до последнего месторождения золота!

После этого нотариус Снуббин сообщил Сумми Скиму все, что он знал по данному делу.

В начале 1897 года Жозиас Лакост прибыл в Доусон, столицу Клондайка, со всеми необходимыми золотоискателю принадлежностями. С июля 1895 года, после того как в Голд-Боттоме, притоке Хантера, было найдено золото, к этому району было привлечено общее

внимание. На следующий год Жозиас Лакост появился в этом районе, куда уже стекалась толпа золотоискателей, с целью приобрести на оставшиеся у него деньги какой-нибудь прииск. Несколько дней спустя он действительно сделался владельцем прииска № 129, расположенного на реке Форти-Майлз-Крик, одного из притоков Юкона, главной водной артерии Аляски и северо-западной Канады.

Изложив все это, нотариус Снуббин прибавил:

– Кажется, этот прииск, судя по тому, что пишет мне губернатор Клондайка, до сих пор не дал всего того, чего ожидал от него господин Жозиас Лакост. Во всяком случае, залежи, по-видимому, не истощены. Быть может, ваш дядюшка – не умри он преждевременно – извлек бы в конце концов из этого прииска те выгоды, на которые надеялся.

– Значит, дядюшка умер не от нужды? – спросил Сумми Ским.

– Нет, – ответил нотариус, – в письме об этом ничего не говорится. Он умер от тифа, который губителен в том климате и уносит много жизней. Захворав, господин Лакост немедленно оставил прииск. Скончался он в Доусоне. Так как известно было, что он уроженец Монреалья, то губернатор и написал мне, чтобы я отыскал родственников и сообщил им об этой смерти. Бен Раддл и вы, господин Ским, слишком хорошо известны в Монреале и пользуетесь такой прекрасной репутацией, что я не мог колебаться. Поэтому немедленно пригласил вас обоих в мою контору ознакомиться с завещанием покойного в вашу пользу.

– Завещание в нашу пользу!

Сумми Ским иронически улыбнулся. Он подумал о том, как печально должна была протекать жизнь Жозиаса Лакоста в тяжелой обстановке трудного ремесла золотоискателя... Не вложил ли он в это дело все свои оставшиеся средства, купив прииск, быть может, по чрезмерной цене, как часто случается с золотоискателями?.. Не умер ли он даже с долгами?..

После таких размышлений Сумми Ским сказал нотариусу:

– Господин Снуббин, весьма возможно, что наш дядюшка оставил после себя запутанные дела... В таком случае мы – я отвечаю также за моего кузена Раддла – не оставим запятанным его имя. Если нужны жертвы, то мы готовы их понести, не задумываясь. Поэтому нужно будет как можно скорее узнать, в каком положении находятся дела дядюшки...

– Позвольте вас прервать, мой дорогой, – сказал нотариус. – Зная вас, я не удивляюсь вашим чувствам. Но я не думаю, чтобы пришлось прибегать к тем жертвам, о которых вы говорили. Хотя и возможно, что ваш дядюшка умер, не оставив состояния, но не надо забывать, что он был собственником прииска на Форти-Майлз-Крик, который имеет достаточную ценность, чтобы покрыть все денежные обязательства покойного, если они вообще имеются. Теперь это владение стало нераздельной собственностью вашего кузена Бена Раддла и вас как ближайших наследников Жозиаса Лакоста.

Нотариус прибавил, что надо, однако, действовать с известной осторожностью. Следовало бы принять это наследство только в случае его выгоды. Наследники, прежде чем решаться на это, должны были, по его мнению, выяснить актив и пассив наследства.

– Я займусь немедленно этим делом, господин Ским, – закончил он, – и наведу самые точные справки... Во всяком случае, кто знает?.. Прииск всегда прииск, даже если он ничего не дал до сих пор... Достаточно счастливого удара лопаты, чтобы наполнить карман, как говорят золотоискатели...

– Так, значит, решено, господин Снуббин, – ответил Сумми Ским. – Если прииск нашего дядюшки имеет какую-нибудь ценность, то мы постараемся отделаться от этого имущества при наивыгоднейших условиях.

– Конечно, – подтвердил нотариус, – и я надеюсь, что вы окажетесь в этом вопросе солидарным с вашим кузеном.

– Я тоже очень на это надеюсь, – заметил Сумми Ским, – я не думаю, чтобы Бену Раддлу пришла в голову мысль самому эксплуатировать...

– Кто знает, господин Ским? Господин Бен Раддл – инженер. Он человек предприимчивый и решительный. Он может соблазниться! И если бы он, например, знал, что прииск вашего дядюшки расположен на хорошей земле...

– Я ручаюсь вам, господин Снуббин, что он не поедет его смотреть. Он сам должен вернуться через два или три дня, мы посоветуемся с ним на этот счет и попросим вас принять все нужные меры или для продажи прииска тому, кто больше всего даст за него, или же – что кажется мне самым вероятным – для того, чтобы расплатиться с долгами дядюшки Жозиаса Лакоста.

С таким пессимистическим заключением Сумми Ским оставил контору нотариуса. Он обещал зайти через два или три дня и вернулся домой на улицу Жака Картье, где жил вместе со своим кузенком.

Сумми Ским был сыном англосаксонца, а его мать была француженка из Канады. Его род восходит к 1759 году. Обосновавшись в Нижней Канаде, в Монреале, их семья завладела обширными лесами, землями и лугами, которые и составляли главную часть их состояния.

Ему было тридцать два года; роста он был выше среднего; имел приятное лицо и крепкое сложение человека, привыкшего жить в деревне; глаза его были темно-синими; борода – белокурой. Вообще, Сумми Ским представлял собой тип довольно симпатичного француза-канадца. Беззаботный и чуждый честолюбия, он жил доходами со своих поместий – жизнью землевладельца-фермера лучшей части Канады. Его состояние, не будучи громадным, все же позволяло ему удовлетворять все свои сравнительно скромные желания, и он никогда не чувствовал потребности сделать попытку увеличить его. Большой любитель рыбной ловли, он имел в своем распоряжении всю сеть притоков и маленьких речек бассейна реки Святого Лаврентия, не говоря о многочисленных в этой части Америки озерах. Любя также охоту, он мог с полной свободой предаваться ей среди обширных равнин и изобилующих дичью лесов, которые занимают большую часть этой области Канады.



Большой любитель рыбной ловли

Принадлежащий обоим кузенам дом не отличался роскошью, но имел все нужное для комфорта и находился в одном из таких кварталов Монреаля, в стороне от промышленного и коммерческого центра города. Здесь они оба проводили, в нетерпеливом ожидании лета, канадские зимы, достаточно суровые, хотя эта часть Нового Света и расположена на параллели

Центральной Европы. Страшные ветры, которые не задерживаются в этих местах горами, и метели, несущиеся из северных областей, разражаются здесь с необыкновенной силой.

В Монреале, правительственной резиденции с 1843 года, Сумми Ским мог бы найти случай принять участие в общественных делах. Но, имея независимый характер, он пренебрегал официальным миром, принимал мало участия в жизни высшего общества и местных дельцов и ненавидел политику. К тому же он охотно подчинялся владычеству Великобритании в Канаде и никогда не принимал участия в борьбе партий, которая разделяла жителей Канады на враждебные лагеря. Одним словом, это был «философ», любящий удовольствия жизни и чуждый всякого честолюбия.



Любитель охоты

С его точки зрения, всякая перемена в жизни являлась лишь увеличением забот и нарушением покоя. Понятно, что этот «философ» никогда не думал о браке. Не помышлял он о нем и теперь, хотя ему перевалило за тридцать лет. Если бы мать его не умерла – известно, как женщины любят внучат, – может быть, он и сделал бы усилие, нужное для того, чтобы жениться

и подарить своей матери невестку. В этом случае, само собой разумеется, жена Сумми Скима разделяла бы все его вкусы. Среди многочисленных семейств Канады, где часто насчитывается до двух дюжин детей и больше, он нашел бы и в городе, и в деревне простую, здоровую девушку, которая оказалась бы подходящей для него женой. Но госпожа Ским умерла уже пять лет назад, тремя годами позже своего мужа, и с тех пор можно было без риска держать пари, что никогда мысль о браке не смутит ее сына.

Как только погода в этом суровом климате начинала смягчаться, как только восходящее все раньше и раньше солнце предвещало возвращение весны, Сумми Ским спешил покинуть свой дом на улице Жака Картье. Он отправлялся тогда на свою ферму «Зеленая Поляна», расположенную в двадцати милях к северу от Монреаля, на левом берегу реки Святого Лаврентия. Здесь он снова отдавался деревенской жизни вплоть до суровой зимы, во время которой замерзают все реки, а равнины покрываются плотным снежным ковром. Здесь он жил среди фермеров, мужественных людей, уже полвека находящихся на службе у его семьи.

Ферма «Зеленая Поляна» приносила ежегодно около тридцати тысяч франков дохода, который оба кузена, не разделившие между собой ни своего имения, ни дома в Монреале, получали пополам. На ферме возделывалась плодородная почва, богатая пастбищами, на которых паслись многочисленные стада; к доходам от пашни и скотоводства присоединялся доход с великолепных лесов, покрывающих еще и до сих пор территорию Канады, в особенности ее восточную часть. Хозяйственные постройки фермы заключались в конюшнях, амбарах и скотном дворе, были прочны, хорошо содержались и имели все необходимое для современной сельскохозяйственной культуры. При въезде в обширную, обсаженную деревьями усадьбу на лужайке находился деревенский дом владельца, простой, но не лишенный комфорта.

Таково было то место, где Сумми Ским проводил лучшие дни своей жизни и куда приезжал на несколько дней провести хорошее время года всегда спешивший куда-нибудь Бен Раддл.

Сумми Ским ни за что на свете не пустился бы в одно из тех многочисленных предприятий, которыми кишит предприимчивая Америка с ее промышленными и коммерческими спекуляциями, железными дорогами, банками, рудниками, мореходными обществами и компаниями. Нет! Он питал отвращение ко всему, что было связано с риском или даже просто случайностью. Терпеть урон от изменчивости случая, чувствовать себя рабом всяких неожиданностей, которые нельзя ни предотвратить, ни предвидеть, просыпаться утром с мыслью: богаче я или беднее, чем вчера, – это казалось ему отвратительным, и он предпочел бы никогда не засыпать или никогда не просыпаться.

В этом заключался глубокий контраст между обоими кузенами. Что они были сыновьями двух родных сестер, что оба они были по крови французы, в этом не могло быть сомнений. Но отец Сумми Скима был англосаксонец, а отец Бена Раддла – американец. А между англичанами и янки существует, очевидно, значительная разница, которая с годами все увеличивается. Джонатан³ и Джон Булл⁴ – если и родственники, то очень отдаленные, и это родство, по видимому, со временем совершенно исчезнет.

Различие ли происхождения или другая причина создали эту противоположность их характеров, во всяком случае, достоверно то, что оба кузена, решившие никогда не расставаться друг с другом, имели не только различные вкусы, но и разные темпераменты.

Бен Раддл был меньше ростом, имел черные волосы и черную бороду и, будучи моложе Скима на четыре года, смотрел на жизнь под совершенно иным углом зрения. В то время как один довольствовался жизнью помещика и наблюдал за своими урожаями, другой увлекался спекулятивным и промышленным движением своей эпохи. Он был инженер и уже принимал участие в нескольких предприятиях, в которых американцы стремятся превзойти всех

³ Джонатан – общее собирательное название американцев.

⁴ Джон Булл (бык) – насмешливая кличка англичан, данная им за их упорство и настойчивость.

смелостью замысла и дерзостью выполнения. В то же время он хотел быть богатым – не обладать богатством наших посредственных миллионеров, а ворочать миллиардами американцев. Сказочные богатства Гульда, Асторов, Вандербилтов, Рокфеллеров, Карнеджи, Морганов и других жгли его мозг. Он мечтал о необыкновенных случаях, благодаря которым можно в несколько дней подняться на вершину славы и могущества или, может быть, быть сброшенным в несколько часов в бездну разорения. И вот, в то время как Сумми Ским менял место лишь при переездах в «Зеленую Поляну», Бен Раддл неоднократно объездил Соединенные Штаты, переплывал Атлантический океан, посетил часть Европы, ни разу, однако, еще не поймав судьбы за хвост. Он и теперь только что вернулся из заокеанской поездки и тем не менее не знал ни минуты покоя, ища то громадное дело, в котором он мог бы принять участие.

Это различие их вкусов было большим огорчением для Сумми Скима. Он постоянно опасался, что Бен Раддл покинет его или же, увлекшись каким-нибудь предприятием, расстроит их скромное состояние, которое обеспечивало им обоим независимое и свободное существование.

Это было постоянной темой споров обоих кузенов.

– Ну скажи, наконец, Бен, – говорил Сумми, – ну к чему ведет погоня за тем, что ты так громко называешь большими делами?

– Это ведет к тому, что можно сделаться богатым, очень богатым, Сумми, – отвечал Бен Раддл.

– Но к чему быть таким богатым, кузен? Это совсем не нужно; можно вполне быть счастливым в «Зеленой Поляне». Что ты станешь делать со своими богатствами?

– Новые, еще более прибыльные дела, кузен.

– С какой целью?

– С целью собрать еще больше золота, которое я использую на еще более прибыльное дело.

– И так далее?

– И так далее.

– До смерти, конечно? – заметил иронически Сумми Ским.

– До смерти, Сумми, – хладнокровно отвечал Бен Раддл.

Глава вторая. Сумми Ским против желания вовлекается в приключения

Возвратившись домой, Сумми Ским сделал распоряжения, к которым его обязывала смерть Жозиаса Лакоста, и отправил об этом сообщения друзьям.

Что касается денежных дел умершего дядюшки, то по этому вопросу предстояло еще объяснение с нотариусом Снуббином после того, как тот получит ответ на свой телеграфный запрос о наследстве.

Бен Раддл вернулся в Монреаль лишь через пять дней, утром 2 марта. Он пробыл около месяца в Нью-Йорке, где вместе с другими инженерами изучил гигантский проект постройки моста через Гудзон.

Бен Раддл отдался этой работе со всей страстью инженера. Но, по-видимому, постройка моста не могла начаться в ближайшем будущем. О ней много писали в газетах, ее обсуждали, строили проекты, но до начала работ должен был пройти, вероятно, год, а то и два. Поэтому Бен Раддл решил вернуться в свой родной город.

Его отсутствие показалось Сумми Скиму бесконечно длинным. Как он сожалел, что не может обратить его в свою веру, что не в силах заставить его полюбить беззаботное существование. Это предприятие с мостом через Гудзон еще больше увеличивало его беспокойство. Если Бен Раддл примет в нем участие, то не задержит ли это его надолго, быть может на годы, в Нью-Йорке? Тогда Сумми Ским должен был бы остаться один и в их доме, и на ферме «Зеленая Поляна».

Как только инженер вернулся, кузен сообщил ему о смерти их дядюшки Жозиаса в Доусоне, и о том, что единственное оставшееся после него наследство – это прииск № 129 на берегу Форти-Майлз-Крик, на территории Клондайка.

Услышав это название, весьма громкое в то время, инженер наострил уши. По-видимому, он принимал это известие о возможности стать собственником золотого прииска далеко не с равнодушием Сумми Скима. Но каковы были его мысли на этот счет, он пока не высказывался. По своей привычке вникать в дело он хотел прежде обдумать вопрос.

Суток было довольно для того, чтобы он взвесил доводы «за» и «против» этого дела, и на другое же утро, во время завтрака, он огорошил Сумми Скима неожиданным заявлением:

– Нам следовало бы, кузен, немного поговорить об этом Клондайке.

– Если только немного, то отчего не поговорить...

– Немного... а пожалуй, и очень много, Сумми.

– К твоим услугам, Бен!

– Нотариус не сообщил тебе подробностей о правах владения этим прииском номер сто двадцать девять?

– Нет, – ответил Сумми Ским, – я не считал нужным расспрашивать об этом.

– Узнаю тебя в этом, Сумми! – воскликнул, смеясь, Бен Раддл.

– Зачем это было нужно? – возразил Сумми. – Я думаю, что не стоит особенно хлопотать об этом деле. По-моему, все очень просто: или это наследство имеет некоторую ценность – тогда мы продадим его наивыгоднейшим для нас образом, – или же, что мне кажется гораздо более вероятным, оно не имеет никакой ценности – тогда мы не станем им даже заниматься.

– Ты прав, – согласился Бен Раддл. – Но спешить нам незачем. С этими приисками никогда не знаешь... Думаешь, что они бедны, истощены... и вдруг один удар лопаты дает состояние!

При этих словах Сумми Ским почувствовал некоторое беспокойство.

– Но в том-то и дело, мой дорогой Бен, – сказал он, начиная горячиться, – что это лучше нас должны знать те местные люди, которые разрабатывают сейчас эти прославленные прииски

Клондайка. Если прииск Форти-Майлз-Крик стоит чего-нибудь, то, повторяю, мы попробуем отделаться от него с наибольшей выгодой. Но так как очень маловероятно, что дядюшка Лакост умер как раз накануне того дня, когда он мог сделаться миллионером...

– Вот это-то и нужно установить, – ответил Бен Раддл. – Ремесло золотоискателя дает иногда именно такие неожиданные сюрпризы. Тут постоянно можно наткнуться на счастливую жилу. Ты сам знаешь, что среди золотоискателей были такие, которым не приходилось жаловаться на судьбу...

– Да, – ответил Сумми Ским, – один на сто, на тысячу, даже на сто тысяч человек. Я хочу спорить не о словах, а только о фактах.

Сумми Ским, чувствуя, куда клонит его кузен, придрался к его словам, затронувшим щекотливую тему, и между обоими братьями завязался обычный спор.

– Мой друг, разве наследство, оставленное нам нашими родителями, недостаточно? Разве наши доходы не обеспечивают нам благосостояние и независимость? Если я говорю тебе это, то лишь потому, что ты, по-видимому, придаешь этому делу больше значения, чем оно заслуживает. В самом деле, разве мы не достаточно богаты?..

– Никогда человек не бывает достаточно богат, если он имеет возможность сделаться еще богаче.

– Если только не сделаться слишком богатым, Бен, как некоторые миллиардеры, у которых столько же забот, сколько миллионов, и которым гораздо труднее бывает сохранить состояние, чем приобрести его.

– Ну-ну, – ответил Бен Раддл, – философия – хорошая вещь, но не следует ею злоупотреблять. К тому же не приписывай мне того, чего я не говорил. Я не рассчитываю найти на прииске дядюшки Жозиаса целые тонны золота. Я просто хочу навести точные справки.

– Конечно, мы наведем справки, Бен, конечно. Я желаю только одного: чтобы после этих справок нам не пришлось ввиду расстроенных дел дядюшки и в целях поддержания чести нашей семьи... Я обещал господину Снуббину, что в этом случае...

– Ты хорошо сделал, Сумми, – прервал его Бен Раддл. – Но мне сейчас еще рано тревожиться этими соображениями, которые, вероятно, не оправдаются. Если бы у дядюшки были кредиторы, то они, будь уверен, заявили бы уже давно. Поговорим лучше о Клондайке. Ты, конечно, знаешь, что для меня не новость эти прииски. Хотя разработка их началась всего два года назад, тем не менее я перечитал все, что опубликовано о богатствах этой территории. И я могу тебе сообщить о таких вещах, которые поколеблют даже твое безразличие. После Австралии, Калифорнии, Южной Африки можно было предположить, что на земном шаре нет других приисков. И вот в этой части Северной Америки, на границе Аляски и Канады, случай дал возможность найти золотые россыпи. Притом эта область Северной Америки, по-видимому, оказалась даже рекордной. Золотые россыпи находятся не только в Клондайке, но даже в Онтарио, на Мичипикотене, в Британской Колумбии, где уже образовались такие могущественные компании, как Уор-Игл, Стандарт, Салливангрупп, Алхабарка, Ферм, Синдикат, Санс-Пол, Карибу, Дир-Трэл, Георг-Рид и многие другие, акции которых стоят чрезвычайно высоко и прочно. Кроме того, там есть богатейшие россыпи серебра, меди, железа и угля. Что касается специально Клондайка, то подумай, Сумми, о протяжении этой золотоносной области. Она имеет двести пятьдесят лье⁵ в длину и около сорока в ширину. И это только в пределах Канады, не принимая во внимание россыпей Аляски! Не правда ли, вот где обширное поле для человеческой предприимчивости! Самое, может быть, обширное поле, открытое на поверхности Земли. Кто знает, может быть, производительность этой области будет исчисляться не в миллионах, а в миллиардах!

⁵ Лье – мера длины, около четырех километров.

Бен Раддл мог бы долго говорить на эту тему. Сумми Ским уже не слушал его; он лишь пожал плечами и сказал:

– Ну, Бен, очевидно, у тебя лихорадка.

– Как?.. У меня лихорадка?..

– Да, золотая лихорадка, как она бывает у многих других; к сожалению, она не перемещающаяся, и хиной ее не излечишь.

– Успокойся, Сумми, – ответил Бен Раддл, смеясь, – мой пульс бьется не сильнее обыкновенного. К тому же я не простил бы себе, если бы мог повредить твоему великолепному здоровью, заразив тебя лихорадкой...

– О, я застрахован! – ответил тем же тоном Сумми Ским. – Но я с сожалением – сознаюсь в этом – смотрю, как ты увлекаешься несбыточными фантазиями, которые не могут привести ни к чему хорошему...

– Откуда ты взял это? – прервал его Бен Раддл. – Сейчас идет речь лишь об изучении дела и об извлечении из него выгод, если это возможно. Ты думаешь, что наш дядюшка не был счастлив в своих спекуляциях? Возможно, конечно, что прииск Форти-Майлз-Крик дал ему больше грязи, чем золотых слитков. Но возможно, что у него лишь не хватило средств на эксплуатацию. Может быть, он работал без необходимой системы, без необходимого руководства...

– ...инженера, не так ли, Бен?

– Конечно, инженера.

– Тебя, например?

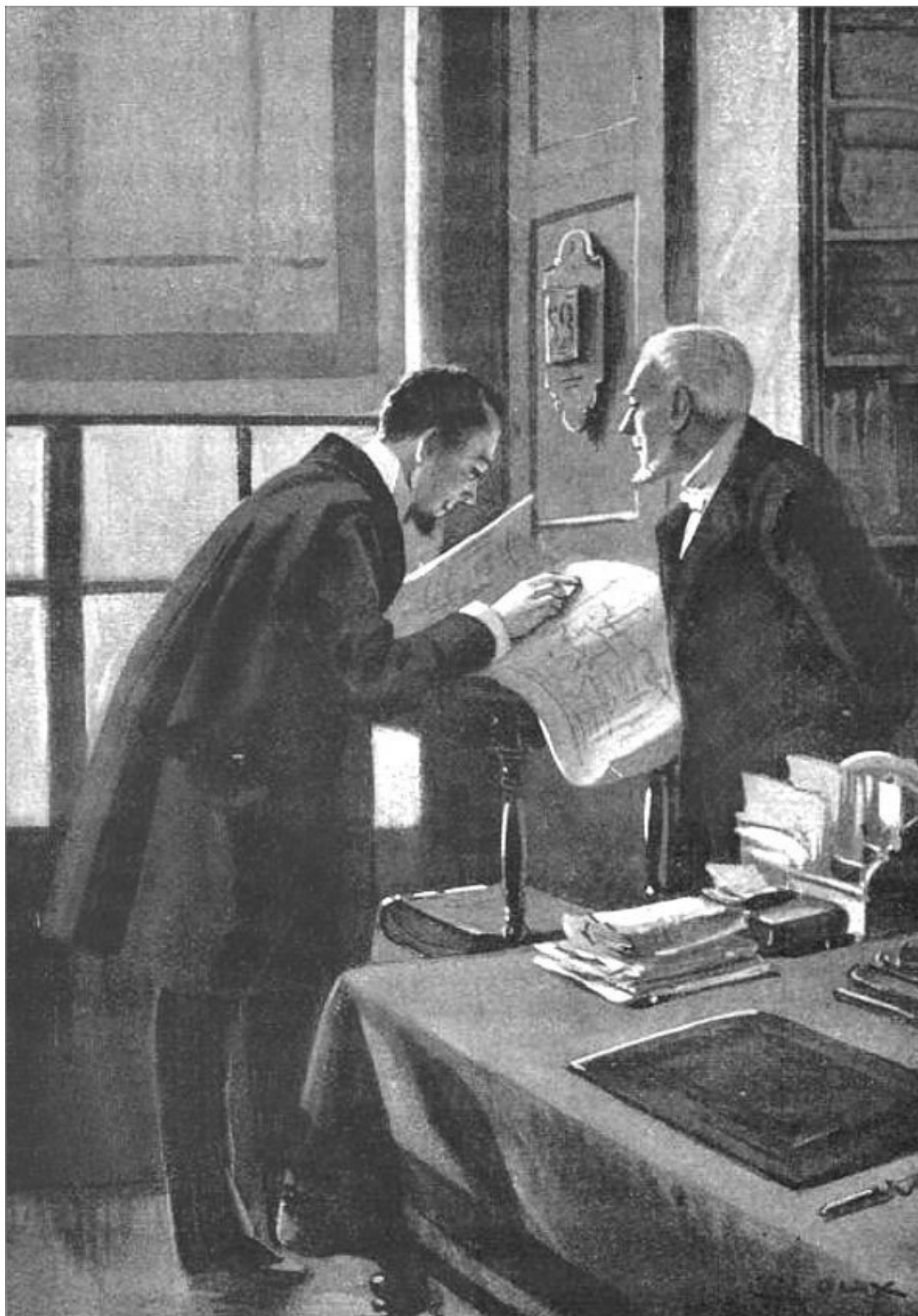
– Отчего же нет? – ответил Бен Раддл. – Во всяком случае, сейчас речь об этом. Прежде всего, надо хорошенько ознакомиться с делом. Когда мы будем знать, как отнестись к ценности прииска, мы уже будем знать, что нам делать.

На этом разговор прервался. В общем, трудно было бы что-либо возразить Бену Раддлу. Прежде чем на что-нибудь решаться, было естественно навести все необходимые справки. Что инженер был человек серьезный, умный и практичный, тоже не подлежало сомнению.

Сумми был также огорчен и обеспокоен тем, что его кузен с такой жадностью набросился на добычу, так неожиданно подвернувшуюся его честолюбию. Удастся ли ему удержать брата? Во всяком случае, ни при каких обстоятельствах Сумми Ским решил не расставаться с Беном Раддлом. Их интересы останутся общими, что бы ни случилось. Тем не менее он проклинал несчастную мысль дядюшки Жозиаса Лакоста отправиться искать счастья в Клондайке, где его ждали нищета и смерть, и Сумми хотелось, чтобы справки подтвердили, что этим делом не нужно больше заниматься.

После полудня Бен Раддл отправился в контору нотариуса и справился о правах владения, которые оказались в полном порядке. Большого масштаба план с точностью определял положение приискового участка № 129. Он находился в сорока двух километрах от форта Кудахи – городка, основанного Гудзоновской компанией на правом берегу Форти-Майлз-Крик, одного из бесчисленных притоков большой реки Юкон. Протекая по восточной части территории Канады, Юкон орошает Аляску, и воды его, канадские в верхнем течении, в нижнем течении стали американскими, после того как русские уступили эту обширную область Соединенным Штатам.

– Вы не заметили одной довольно любопытной особенности, господин Снуббин? – сказал Бен Раддл, рассмотрев карту. – Форти-Майлз-Крик пересекает до своего владения в Юкон сто сороковой меридиан, выбранный пограничной линией между Канадой и Аляской. А этот меридиан сливается с восточной границей нашего участка, который, таким образом, расположен с математической точностью на общей границе обеих областей.



– Вы не заметили одной довольно любопытной особенности, господин Снуббин? – сказал Бен Раддл, рассмотрев карту

– В самом деле, – подтвердил нотариус.

– Право, – заметил Бен Раддл, продолжая свое рассуждение, – это положение кажется мне с первого взгляда очень благоприятным. Нет основания думать, чтобы Форти-Майлз-Крик находился в менее благоприятных условиях, чем реки Клондайк или их приток Бонанца, или

же такие притоки этих притоков, как Виктория, Эльдorado и другие, столь богатые золотом и столь излюбленные золотоискателями!

Бен Раддл пожирал глазами эту удивительную местность. Еще бы! Реки ее изобилуют драгоценным металлом, тонна которого, по таксе доусонской биржи, стоит два миллиона триста сорок две тысячи франков!

– Извините меня, господин Раддл, – заметил нотариус, – я хочу вас спросить: вы намерены сами эксплуатировать прииск Жозиаса Лакоста?

Бен Раддл сделал уклончивый жест.

– Дело в том, что господин Ским... – настаивал нотариус.

– Сумми не мог высказаться окончательно, – сказал Бен Раддл, – а я не берусь сказать свое мнение, пока не получу всех нужных сведений... И если окажется нужным, то я со своей стороны...

– Вы готовы были бы предпринять это далекое путешествие в Клондайк? – спросил нотариус Снуббин, качая головой.

– Почему же нет? Что бы ни думал Сумми, дело стоит того, чтобы из-за него похлопотать... Раз мы будем в Доусоне, то узнаем... Даже если и продавать этот прииск, то согласитесь, чтобы определить его стоимость, лучше всего было бы его осмотреть.

– Нужно ли это? – заметил нотариус.

– Да, хотя бы для того, чтобы найти покупателя.

Нотариус собирался ответить, но ему помешал вошедший с депешей служащий.

– Если ехать только из-за этого, – сказал он, распечатав телеграмму, – то от такого труда может избавить телеграф, господин Раддл.

Сказав это, нотариус Снуббин протянул Бену Раддлу телеграмму, посланную восемь дней назад. Будучи передана из Доусона в Ванкувер, она теперь пришла в Монреаль по канадской телеграфной линии.

Телеграмма гласила, что «Англо-американское общество транспортирования и торговли», обладающее уже восемью приисками, эксплуатацией которых руководит капитан Хэли, предлагает купить приисковый участок № 129 Форти-Майлз-Крик за пять тысяч долларов, которые будут высланы по получении телеграммы о согласии.

Бен Раддл взял телеграмму и читал ее с тем же вниманием, с каким он изучал план владения.

– Что вы скажете на это, господин Раддл? – спросил нотариус.

– Ничего, – ответил инженер. – Достаточно ли предложенная сумма? Пять тысяч долларов – за прииск в Клондайке!..

– Всегда хорошо получить пять тысяч долларов.

– Десять – еще лучше, господин Снуббин.

– Очевидно. Я полагаю, однако, что господин Ским...

– Сумми согласится с моим мнением, если я сумею представить в его пользу достаточные основания. И если я докажу ему, что необходимо предпринять это путешествие, он поедет – не сомневайтесь.

– Он!.. – воскликнул нотариус. – Счастливейший, самый независимый человек, которого когда-либо приходилось видеть нотариусу за всю свою практику!

– Да, этот счастливый, независимый человек согласится ехать, если я докажу ему, что он может удвоить и свое счастье, и свою независимость... И потом, чем мы рискуем? Мы же всегда можем согласиться на предложенную синдикатом цену.

Оставив контору нотариуса, Бен Раддл, продолжая обдумывать принятое им решение, отправился ближайшим путем домой. Когда он подходил к дому на улице Жака Картье, его мнение сложилось окончательно. Он тотчас поднялся в комнату своего кузена.

– Ну что же? – спросил последний. – Ты видел нотариуса Снуббина? Есть что-нибудь новое?

– Да, Сумми, есть и новое, и новости.

– Хорошие?

– Великолепные.

– Ты рассмотрел права владения?

– Как следует. Они в полном порядке, и мы действительно владельцы приискового участка номер сто двадцать девять.

– Вот что увеличит наше состояние! – заметил, смеясь, Сумми Ским.

– Больше, чем ты полагаешь, может быть, – серьезно сказал инженер, протягивая кузену депешу «Англо-американского общества транспортирования и торговли».

– Да это восхитительно! – воскликнул последний. – Продадим как можно скорее наш прииск этой компании!

– Зачем уступить за пять тысяч долларов то, что может стоить гораздо больше? – возразил Бен Раддл.

– Однако, мой дорогой Бен...

– Однако твой дорогой Бен утверждает, что так дела не делаются. Чтобы не попасть впро- сак, необходимо видеть собственными глазами, убедиться, как говорят, воочию.

– Ты все свое...

– Больше, чем когда-либо. Подумай, Сумми. Если нам делают это предложение, то лишь потому, что знают ценность нашего прииска, знают, что он стоит дороже. Вдоль берегов рек или в горах Клондайка есть немало свободных приисков...

– Почему ты знаешь?

– И, – продолжал Бен Раддл, – не слушая вопроса, – если общество, которое владеет уже несколькими приисками, хочет купить именно наш, то, конечно, предлагая пять тысяч долларов, оно имеет на это не пять тысяч, а десять, сто тысяч причин...

– ...миллион, десять миллионов, сто миллиардов, – продолжал Сумми Ским насмеш- ливо. – В самом деле, Бен, ты играешь цифрами.

– Цифры – это жизнь, мой друг, и я нахожу, что ты занимаешься ими слишком мало...

– А ты, может быть, слишком много.

– Полно, Сумми, я говорю с тобой совершенно серьезно. Я не сразу решил ехать. Но после получения этой телеграммы я решил дать этому обществу ответ на его предложение лично.

– Что?.. Ты хочешь ехать в Клондайк?

– Да!

– Не имея никаких дальнейших сведений?

– Сведения я получу на месте.

– И ты опять оставишь меня одного?

– Нет, потому что ты поедешь со мной.

– Я?

– Ты.

– Никогда!

– Нет, поедешь, потому что дело касается нас обоих.

– Я дам тебе уверенность.

– Я от нее отказываюсь, мне нужен ты сам.

– Путешествие за две тысячи лье!..

– Совсем нет! Всего за две тысячи пятьсот.

– Какой ужас!.. И оно продолжится...

– ...сколько будет нужно. Может случиться, и это вполне возможно, что нам будет выгоднее не продавать, а самим эксплуатировать наш прииск.

– Как!.. Эксплуатировать! – воскликнул совершенно растерянный Сумми Ским. – Тогда это целый год...

– Два, если будет нужно.

– Два года! Два года! – повторил Сумми Ским.

– Что ж такого, – воскликнул Бен Раддл, – если каждый месяц, каждый день, каждый час будет увеличивать наше состояние?!

– Нет! Нет!.. – восклицал Сумми Ским, забираясь в глубь своего кресла, как человек, решившийся никогда его не покидать.



– Что?.. Ты хочешь ехать в Клондайк?

Но ему приходилось иметь дело с сильным противником. Бен Раддл, очевидно, не намерен был щадить кузена до тех пор, пока не победит.

– Что касается меня, Сумми, – заявил он, – я решил ехать в Доусон; и я не могу поверить, чтобы ты отказался мне сопутствовать. К тому же ты засиделся!.. Надо наконец посмотреть тебе свет...

– Ну, – заметил Сумми Ским, – если бы я хотел, то мог бы посетить другие места в Америке или в Европе. Конечно, я не начну с того, чтобы ехать в этот противный Клондайк...

– ...который покажется тебе премилым, Сумми, когда ты сам убедишься, что он засеян золотым песком и вымощен золотыми плитами.

– Бен, мой дорогой Бен! – умоляюще сказал Сумми Ским. – Ты меня пугаешь. Да, ты меня пугаешь!.. Ты хочешь братья за дело, в котором тебя ожидают лишь разочарования...

– Увидим!

– ...начиная с этого проклятого прииска, стоимость которого, вероятно, не превышает стоимости грядки капусты...

– Но почему же в таком случае эта компания стала бы предлагать за него тысячи долларов?

– И когда я думаю, Бен, что за этим прииском надо ехать в страну, где температура падает на пятьдесят градусов ниже нуля...

– Будем топить печи.

На все Бен Раддл находил возражения. Отчаяние Сумми не производило на него никакого впечатления.

– А «Зеленая Поляна», Бен? – вздыхал кузен.

– Что ж такого, в Клондайке достаточно дичи и рыбы. Ты будешь охотиться и заниматься рыбной ловлей в новой стране, где найдешь много любопытного.

– Но наши фермеры?.. – стонал Сумми.

– Смогут ли они жалеть о нашем отсутствии, когда после нашего возвращения мы окажемся достаточно богатыми, чтобы понастроить им новые фермы и скупить весь округ?

В конце концов Сумми Ским должен был признать себя побежденным. Нет, он не мог отпустить своего кузена в Клондайк одного. Он должен ехать с ним, хотя бы для того, чтобы заставить его скорее вернуться.

В тот же день капитану Хэли, директору «Общества транспортирования и торговли», летела по канадской телеграфной линии депеша, извещавшая его о скором отъезде из Монре-аля в Клондайк Бена Раддла и Сумми Скима, собственников приискового участка № 129.

Глава третья. В дороге

Направляющиеся в Клондайк туристы, коммерсанты, эмигранты и золотоискатели могут ехать из Монреаля на Ванкувер, не меняя поезда и не покидая территории Канады, или Британской Колумбии, – по Тихоокеанской канадской железной дороге. Высадившись в Ванкувере, они должны затем уже выбирать любой путь сообщения: пароход, лодку, лошадей, могут ехать верхом или в экипаже; чаще всего большую часть дороги приходится идти пешком.

Раз вопрос об отъезде был решен, Сумми Скиму оставалось доверить всё, касающееся деталей путешествия, кузену Бену Раддлу, который должен был позаботиться о выборе маршрута и о приобретении всего необходимого для дороги. Путешествие это было делом честолюбивого и умного инженера, на нем лежала и вся ответственность за него.

Прежде всего, Бен Раддл совершенно справедливо заметил, что с отъездом не надо медлить. Было важно, чтобы наследники Жозиаса Лакоста попали в Клондайк к началу лета, которое лишь на несколько месяцев согревает эту далекую страну, расположенную на границе Северного полярного круга. Действительно, когда он справился с уставом канадских золотых промыслов, относящимся и к округу Юкон, то в параграфе девятом этого устава он прочел:

«Всякий прииск переходит в общественную собственность, если он остается без разработки в течение двух недель во время летнего сезона (определяемого комиссаром), за исключением случаев, где на это дается специальное разрешение».

Начало же летнего сезона, если он ранний, считается обыкновенно с середины мая. Таким образом, если бы с этого времени прииск Жозиаса Лакоста оставался неразработанным дольше двух недель, он перешел бы в собственность Канады. И, вероятно, американский синдикат не преминул бы указать администрации на всякий повод к нарушению правил владения на участке, который он хотел приобрести.

– Ты понимаешь, Сумми, – объявил Бен Раддл, – что мы не должны дать себя обойти?

– Я понимаю все, что тебе угодно, – ответил Сумми Ским.

– Тем более что я совершенно прав, – прибавил инженер.

– Я в этом не сомневаюсь, Бен. К тому же я ничего не имею против скорейшего отъезда из Монреаля, если благодаря этому мы можем скорее вернуться.

– Мы останемся в Клондайке лишь столько, сколько будет нужно, Сумми.

– Хорошо, Бен. Когда мы едем?

– Второго апреля, – ответил Бен Раддл. – Дней через десять.

Сумми Ским, скрестивший было руки и опустивший голову, хотел воскликнуть: «Что!.. Так скоро?..» – но замолчал, так как никакие стоны его не помогли бы.

К тому же, назначая отъезд на 2 апреля, Бен Раддл поступал очень умно. Установив маршрут, он предался целому ряду размышлений, сопровождавшихся длинными вычислениями, с которыми он справлялся мастерски.

– Чтобы добраться до Клондайка, – сказал он, – нам не нужно выбирать дорог, так как существует всего одна. Может быть, когда-нибудь будут ездить на Юкон через Эдмонтон и форт Сент-Джон, следуя затем по Пис-Ривер, которая в северо-восточной части Британской Колумбии протекает по округу Кассиара...

– Эта область богата дичью, как я слышал, – прервал Сумми Ским, предаваясь своим охотничьим мечтам. – Почему бы, в самом деле, не ехать этим путем?

– Потому что после Эдмонта нам пришлось бы сделать тысячу четыреста километров пешком по таким местностям, которые еще почти не исследованы.

– В таком случае какой же путь ты выберешь, Бен?

– На Ванкувер, конечно. Вот точные цифры, которые дадут тебе ясное понятие о длине нашего маршрута: от Монреаля до Ванкувера – четыре тысячи шестьсот семьдесят пять километров, а от Ванкувера до Доусона – две тысячи четыреста восемьдесят девять.

– Что в итоге, – сказал Сумми Ским, – составит семь тысяч сто шестьдесят четыре километра.

– Совершенно верно, Сумми.

– Ну, Бен, если мы привезем столько же килограммов золота, сколько мы проедем километров...

– Это составит, считая обычную стоимость килограмма золота в две тысячи триста сорок франков, шестнадцать миллионов семьсот шестьдесят три тысячи семьсот шестьдесят франков.

– Хорошо еще, если мы привезем хоть семьсот шестьдесят франков! – пробормотал сквозь зубы Сумми Ским.

– Что ты говоришь, Сумми?

– Ничего, Бен, решительно ничего.

– Такая сумма меня несколько не удивила бы. Разве не объявил географ Джон Минн, что Аляска даст больше золота, чем Калифорния, добыча которой за один тысяча восемьсот шестьдесят первый год дала четыреста пять миллионов? Почему бы Клондайку не прибавить своей части к тем двадцати пяти миллиардам франков, которыми исчисляется богатство золотых россыпей земного шара?

– Это мне кажется вполне возможным, – подтвердил с мудрой осторожностью Сумми. – Но, Бен, надо подумать о приготовлениях... В этот невероятно далекий край нельзя же ехать, имея одну смену белья и две пары сапог.

– Не беспокойся ни о чем, Сумми, я беру на себя все хлопоты. Тебе нужно будет только сесть в поезд в Монреале и вылезти из него в Ванкувере; что касается наших приготовлений, то они не будут похожи на приготовления эмигранта, который, отправляясь в далекую страну, в силу необходимости берет с собой довольно много багажа. Мы найдем все нужное на прииске дядюшки Жозиаса. Нам надо лишь самим добраться до места.

– Это тоже чего-нибудь да стоит! – воскликнул Сумми Ским. – Но больше всего нам надо позаботиться о том, чтобы не пострадать от холода... Бррр!.. Я уже сейчас замерзаю до кончиков ногтей.

– Полно, Сумми. Когда мы доберемся до Доусона, будет лето в разгаре.

– Но зима вернется же когда-нибудь?..

– Будь спокоен, – ответил Бен Раддл. – Даже и зимой у тебя будет все нужное: хорошая одежда и хорошая пища. Ты вернешься в гораздо лучшем виде, чем уедешь.

– Ну нет, этого я не хочу! – запротестовал Сумми Ским, который начинал уже сдаваться. – Предупреждаю тебя, что если я должен буду прибавить в весе хоть на пять килограммов, то я остаюсь!

– Шути, Сумми, шути сколько тебе угодно... только доверься мне.

– Да... доверие необходимо. Итак, решено: второго апреля мы отправляемся в дорогу в качестве золотоискателей...

– Да... До второго мне достаточно времени на приготовления.

– В таком случае, Бен, раз я имею еще впереди десять дней, я проведу их в деревне.

– Как хочешь, – сказал Бен Раддл, – хотя я не думаю, чтобы в «Зеленой Поляне» было теперь очень хорошо.

Сумми Ским мог бы ответить, что, во всяком случае, там не хуже, чем в Клондайке. Но он предпочел воздержаться и заметил только, что ему доставит большое удовольствие провести несколько дней среди фермеров, увидеть поля, покрытые снегом, леса, одетые инеем, покрытую льдом реку Святого Лаврентия. Потом, даже и в холода охотнику всегда представляется

случай убить какую-нибудь дичь – птицу или пушного зверя, не говоря уж о хищниках: медведях, пумах и других, которые бродят в окрестностях. На эту поездку к себе в имение Сумми смотрел как на прощальную.

– Ты должен был бы поехать со мной, Бен, – сказал он.

– Ты думаешь? – ответил инженер. – А кто же займется приготовлениями к отъезду?

На другой день Сумми Ским сел в поезд, был встречен на станции «Зеленая Поляна» экипажем и после полудня подъезжал к ферме. Когда фермеры узнали о причине его раннего посещения, они с сомнением покачали головами.

– Да, – сказал Сумми Ским, – Бен Раддл и я уедем в Клондайк, в эту чертову страну, такую далекую, что нужно два месяца для того только, чтобы добраться до нее, и столько же, чтобы вернуться оттуда.

– И все это для того, чтобы собрать золотые самородки! – сказал один из крестьян.

– Если еще соберешь их, – прибавил другой, неодобрительно пожимая плечами.

– Что ж поделаешь! – сказал Сумми Ским. – Это как лихорадка или, вернее, как эпидемия, которая время от времени обрушивается на людей и уносит многочисленные жертвы.

– Но зачем вам ехать туда? – спросила старая фермерша.

Сумми Скиму пришлось объяснять, как он и кузен получили в наследство прииск после смерти дядюшки Жозиаса Лакоста и почему Бен Раддл находил нужным их присутствие в Клондайке.

– Да, – сказал старик, – мы слышали о том, что делается на границе Канады и о той нищете, которую испытывают там люди. Но вы, господин Сумми, не останетесь, конечно, в том краю и, когда вы продадите вашу кучу грязи, вы вернетесь...

– Конечно, вернусь! Но пока что пройдут пять-шесть месяцев, и лето кончится... Я потеряю ведь целое лето!..

– А потерянное лето – грустная зима! – прибавила старуха.

Проведя в «Зеленой Поляне» неделю, Сумми Ским решил, что ему пора вернуться к Бену Раддлу. При мысли, что через несколько недель апрельское солнце засияет над «Зеленой Поляной», что из-под снега покажутся первые побеги зелени, что без этого проклятого путешествия он вернулся бы сюда, как и каждый год, чтобы жить здесь до первых зимних холодов, Сумми Ским невольно раздражался. В течение этих восьми дней он смутно ожидал, что от Бена Раддла придет письмо и известит его, что проекты отменяются... Но письмо не приходило. Ничто не изменилось. Отъезд должен был состояться в назначенный день.



Проведя в «Зеленой Поляне» неделю, Сумми Ским решил, что ему пора вернуться

Сумми Ским должен был поехать на вокзал, и 31 марта, утром, он был уже в Монреале, лицом к лицу со своим кузеном.

– Ничего нового? – спросил он, останавливаясь перед ним в позе вопросительного знака.

– Ничего, Сумми, кроме разве того, что все приготовления к отъезду закончены.

– Значит, ты достал...

– ... всё, за исключением провизии, которую мы приобретем в пути. Я занялся лишь одеждой. Что касается оружия, то у тебя есть свое, а у меня свое: два хороших ружья, к которым мы привыкли, и полные охотничьи костюмы с принадлежностями. Но так как нам невозможно обновить свой гардероб, то вот кое-что из белья, обуви и одежды. Из осторожности мы возьмем с собой фланелевые рубашки, камзолы и кальсоны из шерсти, фуфайки из толстого трикотажа, костюмы из мехов, панталоны из толстого сукна и из холста, костюмы из синего холста, кожаные куртки с меховой подкладкой и капюшонами, непромокаемые морские костюмы с такими же капюшонами, плащи из каучука, шесть пар носков по мерке и шесть пар номером больше, меховые рукавицы и кожаные перчатки, охотничьи сапоги на гвоздях, мокасины, лыжи, платки, салфетки...

– Караул! – воскликнул Сумми Ским, поднимая руки к небу. – Уж не хочешь ли ты устроить базар в столице Клондайка? Тут на десять лет добра!

– Нет, только на два года.

– Только!.. – повторил Сумми. – Твое «только» ужасно. Ведь речь идет о том, Бен, чтобы съездить в Доусон, продать прииск номер сто двадцать девять и затем вернуться в Монреаль. Но для этого не нужно же, черт возьми, два года!

– Конечно, Сумми, если нам дадут за прииск то, что он стоит.

– А если не дадут?

– Мы попробуем его эксплуатировать сами, Сумми.

Не рассчитывая получить другого ответа, Сумми Ским не стал больше настаивать.

Второго апреля с утра оба кузена были на вокзале, куда перевезли и их багаж. В общем, вещей у них было немного: их должно было сильно прибавиться лишь после Ванкувера.

Если бы путники, прежде чем уехать из Монреаля, обратились к Канадской Тихоокеанской компании, то они могли бы получить билеты на пароход до Скагуэя. Но Бен Раддл не решил еще, каким путем он поедет в Доусон – морем, пароходом по Юкону до Клондайка или сухим путем, который от Скагуэя тянется через горы, равнины и озера Британской Колумбии.

Итак, оба кузена отправились – Сумми – покорный, его кузен – полный надежд, – удобно разместившись в отличном вагоне первого класса. Впрочем, это было необходимым удобством, раз приходится совершать путешествие в четыре тысячи семьсот километров, которое от Монреаля до Ванкувера тянется шесть дней.

Оставив Монреаль, поезд идет той частью Канады, которая включает в себе различные округа ее центральной и восточной части. Только пройдя область Великих озер⁶, поезд углубляется в малонаселенную, в особенности с приближением к Колумбии, а иногда и совершенно пустынную страну.

Погода стояла прекрасная. Воздух был живительный, небо покрыто легкими облаками. Термометр стоял почти на нуле. Теряясь вдали, разворачивались перед глазами обширные снежные равнины, которые через несколько недель должны были зазеленеть и по которым должны были потечь освободившиеся ото льда реки. Многочисленные стаи птиц, опережая поезд, направлялись к западу, широко махая крыльями.

С обеих сторон пути вплоть до леса, стоявшего на горизонте, можно было разглядеть на снегу следы животных. Вот следы, которые дали бы возможность охотнику сделать хороший выстрел!

Но пассажирам поезда, шедшего к Ванкуверу, было не до охоты.

⁶ Область Великих озер – территория США вблизи Канады, с крупнейшими озерами североамериканского континента: Верхнее, Мичиган, Гурон, Эри, Онтарио.

Если в нем и были охотники, то не за дичью, а за золотыми самородками, и собаки, которых они везли с собой, совсем не были обучены делать стойку на куропаток и зайцев или преследовать медведей. Нет, эти собаки – простые упряжные животные – предназначались, чтобы возить сани по ледяной поверхности озер и рек в части Британской Колумбии, лежащей между Скагуэем и Клондайком.

Золотая лихорадка, собственно говоря, лишь начиналась. Но приходили все новые известия об открытии россыпей на Эльдorado, на Бонанце, на Гентере, на «Медведе», на Голд-Боттоме и на всех притоках реки Клондайк. Говорили о приисках, где промывалось золота на полторы тысячи франков за один раз. Приток эмигрантов все увеличивался. Они бросались в Клондайк, как раньше бросались в Австралию, Калифорнию, Трансвааль, и транспортные компании не справлялись с работой. К тому же ехавшие этим поездом не были представителями обществ и синдикатов, образованных при поддержке крупных банков Америки и Европы, снабженные отличными инструментами, одеждой и провиантом, которые могли быть возобновлены во всякое время специальным подвозом, эти люди имели все основания не бояться будущего. Пассажирами же поезда были лишь бедняки, испытавшие все тяготы жизни, выгнанные нищетой с родины, готовые всем рисковать. Им нечего было терять, и мысль их, надо сознаться в этом, сосредоточивалась на надежде одним ударом составить себе состояние.

Поезд шел полным ходом. Сумми Ским и Бен Раддл не могли пожаловаться на недостаток комфорта в течение этого длинного путешествия: днем в их распоряжении был вагон-гостиная, ночью – вагон-спальня. В курительной они могли курить с таким же удобством, как и в любом кафе Монреала, в вагоне-столовой – пользоваться отличным столом. Наконец, если бы они захотели в пути принять ванну, был и вагон-ванная. Но, несмотря на все это, Сумми Ским все же вздыхал при мысли о своей усадьбе в «Зеленой Поляне».

Через четыре часа поезд достиг Оттавы, столицы Канады, – великолепного города, который, расположившись на вершине холма, господствует над окружающей местностью.

Дальше за ним можно было увидеть его соперника – Торонто – древнюю столицу Канады, теперь развенчанную.

Следуя прямо на запад, поезд достиг станции Садбери. Здесь железнодорожный путь разделялся на две ветки, проходившие по богатой местности, где производится добыча никеля. Путешественники поехали по северной ветке, обходящей Верхнее озеро и ведущей к Порт-Артуру, лежащему около форта Вильяма. В Герон-Бэйе, в Шрейбере и на других станциях вдоль обширного озера остановки поезда были достаточно продолжительны, и оба кузена, если бы хотели, могли бы убедиться в важности его портов с пресной водой. Затем, пройдя Игнас и Игл-ривер, лежащие в местности, богатой рудниками, поезд привез их в крупный город Виннипег.

Именно здесь при иных обстоятельствах остановка на несколько часов показалась бы чересчур короткой Сумми Скиму, которому хотелось удержать в памяти хоть какие-либо воспоминания об этом путешествии. Если бы он не был загипнотизирован Клондайком, то, конечно, охотно посвятил бы день или два осмотру этого города с сорокатысячным населением, а также и других соседних городов западной Канады.

К сожалению, Сумми Ским не был расположен делать наблюдения. И поезд снова забрал пассажиров, которые большей частью ехали как груз – не для удовольствия, а лишь для того, чтобы кратчайшим путем достигнуть конечной цели путешествия.

Тщетно Бен Раддл пробовал обратить внимание владельца «Зеленой Поляны» на окружающее.

– Ты не замечаешь, Сумми, – говорил он, – как великолепно обработана эта страна?

– А! – меланхолично отзывался Сумми Ским.

– И какие здесь великолепные луга! Говорят, буйволы водятся здесь тысячами. Вот где хорошая охота, Сумми!

– Да, – равнодушно согласился Сумми Ским. – Я скорее предпочел бы провести шесть месяцев, даже шесть лет, здесь, чем шесть недель в Клондайке.

– Ну! Если в окрестностях Доусона нет буйволов, – возразил, смеясь, Бен Раддл, – то ты вознаградишь себя лосями.

Пройдя город Регину, поезд направился к проходу Кроу-Нью-пасс в Скалистых горах, затем, после остановки на несколько часов в Калгари, – к границе Британской Колумбии.

От этого города идет ветвь по направлению к Эдмонтону, где кончается железнодорожный путь, по которому едут иногда эмигранты, направляющиеся в Клондайк. Проходя через Пис-ривер и форт Сент-Джон, потом через Диз, Фрэнсис и Пелли-ривер, эта дорога соединяет северо-восточную часть Британской Колумбии с Юконом через округ Кассиара, знаменитый своей дичью. Это была настоящая «дорога охотников», которую Сумми Ским, конечно, предпочел бы, если бы он находился здесь для своего удовольствия. Впрочем, она трудна и длинна и вынуждает путешественника все время на протяжении двух тысяч километров заботиться о возобновлении провианта. Правда, эта область чрезвычайно богата золотом; его можно промыть почти в любой речке. Но здесь нельзя достать нужных материалов. Поэтому разработка в ней золота станет возможной лишь тогда, когда канадское правительство устроит здесь на расстоянии пятнадцати лье друг от друга станции, где можно будет менять лошадей.

Проезжая через Скалистые горы, путешественники любовались гордо возвышающимися вершинами, покрытыми вечными снегами. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь грохотом поезда. По мере того как поезд приближался к западу, перед ними открывались все новые области, изобилующие необработанными полями с неистощенной почвой, дающей обильные урожаи. То была территория Кутава. Здесь, на золотых полях Карибу, было найдено, да и теперь еще в изобилии находится, золото в многочисленных речках, которые несут в своих водах золотой песок и золотые блески. Невольно являлся вопрос, почему золотоискатели так мало посещают этот доступный край и предпочитают тяжелое и длинное, сопряженное с большими затратами путешествие в Клондайк.

– В самом деле, – заметил Сумми Ским, – дядюшка Жозиас должен был бы искать счастья здесь, в Карибу... И мы уже были бы на месте... Мы знали бы уже теперь, что стоит его предприятие. Мы бы продали его в одни сутки, и наше отсутствие дома продолжалось бы не больше недели!..

Сумми Ским был прав. Но ему предназначено было ехать именно в ужасный Клондайк и копать там в грязи Форти-Майлз-Крика.

Поезд все продолжал идти, увлекая Сумми Скима дальше и дальше от Монреаля и «Зеленой Поляны», к границе колумбийской территории, пока наконец 8 апреля после благополучного путешествия не доставил его вместе с кузеном Беном Раддлом на вокзал Ванкувера.

Глава четвертая. Досадное соседство

Город Ванкувер расположен не на острове того же названия. Он находится на узком полуострове, который тянется от колумбийской территории. Это только старая столица. Теперешний же главный город – Виктория, население которого достигает шестнадцати тысяч человек, построен именно на острове, на юго-восточном берегу, где находится также и Нью-Вестминстер с его десятью тысячами жителей.

Ванкувер лежит при входе в открытый залив, который выходит в изрезанный излучинами пролив Хуана-де-Фука, тянущийся к северо-западу.

Проходя сначала по южному берегу острова, канал огибает его затем с востока и с севера. Таким образом, порт Ванкувера легко доступен как судам, приходящим с Тихого океана, так и тем, которые спускаются вдоль канадского берега или поднимаются вдоль берега Северо-Американских Соединенных Штатов.

Чего ожидали основатели Ванкувера для его будущего? Несомненно, размеры города были бы достаточны и на сто тысяч жителей, да и такое население свободно двигалось бы по самой маленькой из улиц Ванкувера, геометрически правильно разбитых под прямыми углами. В городе есть банки, гостиницы, он освещается газом и электричеством, обслуживается мостами, перекинутыми через лиман Фолс-Бей, и имеет парк, разбитый на северо-западном полуострове на пространстве трехсот восьмидесяти гектаров.

Выйдя из вокзала, Сумми Ским и Бен Раддл направились в Вестминстер-отель, где они хотели остановиться до отъезда в Клондайк.

Труднее всего оказалось найти помещение в этом переполненном путешественниками отеле. Поезда и пароходы привозили до тысячи двухсот человек в день. Легко представить себе ту выгоду, которую извлекал из этого город, особенно та часть его населения, которая обирала иностранцев, заставляя их платить невероятные цены за еще более невероятно скверную провизию. Конечно, это временное население Ванкувера оставалось в нем самое короткое время, так как все эти авантюристы стремились как можно скорее добраться до территории, золото которой притягивало их, точно магнит железо. Но не так-то легко было выбраться из города, и на многочисленных пароходах, шедших к северу, после неоднократных остановок в портах Мексики и Соединенных Штатов очень часто не хватало места.

Две дороги ведут из Ванкувера в Клондайк. Одна идет по Тихому океану, до порта Сент-Майкл на восточном берегу Аляски, лежащего у устья Юкона, а оттуда вверх по течению этой реки до Доусона. Другая идет сначала морем от Ванкувера до Скагуэя, потом тянется оттуда сухим путем до столицы Клондайка. Какую из этих дорог намерен был выбрать Бен Раддл?

Как только оба кузена нашли себе комнату, Сумми Ским немедленно спросил:

– Сколько времени, Бен, придется нам пробить в Ванкувере?

– Всего несколько дней, – ответил Бен Раддл. – Я не думаю, чтобы пришлось долго ждать прихода «Фут-Бола».

– Что это за «Фут-Бол»? – спросил Сумми.

– Пароход Канадской Тихоокеанской компании, который доставит нас в Скагуэй и на котором я сегодня же возьму для нас два места.

– Итак, Бен, ты сделал выбор между различными дорогами в Клондайк?

– Он сам собой напрашивался, Сумми. Мы поедем по наиболее излюбленной путешественниками дороге вдоль берега колумбийской территории и под прикрытием островов легко достигнем Скагуэя. В это время года русло Юкона загромождено льдами, и суда часто погибают во время ледохода или, по крайней мере, задерживаются им до июля. «Фут-Бол» же дойдет до Скагуэя или даже до Дайи в одну неделю. Правда, высадившись там, мы вынуждены будем перевалить через довольно крутые склоны Чилкута и Уайт-пасса. Но зато дальше, частью

сухим путем, частью озерами, мы без особого труда достигнем Юкона, который доставит нас в Доусон. Я рассчитываю, что мы будем на месте до июня, то есть в самом начале лета. А пока нам остается лишь терпеливо ждать прибытия «Фут-Бола».

– Откуда придет этот пароход с таким спортивным названием? – спросил Сумми Ским.

– Именно из Скагуэя, так как он совершает прямые рейсы между этим городом и Ванкувером. Его ждут самое позднее – четырнадцатого числа этого месяца.

– Только четырнадцатого! – воскликнул Сумми.

– А-а! – сказал Бен Раддл, смеясь. – Теперь ты торопишься больше меня.

– Конечно, – подтвердил Сумми, – потому что, прежде чем вернуться, надо доехать!

В продолжение этого пребывания в Ванкувере обоим кузенам дела было немного. Покупать что-либо для дальнейшего пути им не пришлось. Не нужно было также приобретать им и необходимых приспособлений и инструментов для разработки прииска, так как они ожидали найти всё нужное на месте, на участке дядюшки Лакоста. Что касается комфорта, которым они пользовались на железной дороге, то такой же комфорт ожидал их и на «Фут-Боле». Таким образом, заботы о путешествии откладывались до Скагуэя, где Бену Раддлу предстояло найти и купить все необходимое для переезда до Доусона. Там должны были понадобиться и лодки для плавания по озерам, и собаки для саней – это был единственный способ передвижения по ледяным равнинам Севера. Предстояло ли купить все это или можно было нанять какого-либо возчика, который взялся бы доставить их в Доусон, этого Бен Раддл еще не знал. Но в обоих случаях путешествие должно было стоить очень дорого. Впрочем, не достаточно ли было для покрытия всех этих расходов – да еще с избытком – одного золотого самородка?..

Несмотря на вынужденное безделье, оба кузена не скучали, так как оживление города и приток путешественников были чрезвычайны. А что может быть интереснее наблюдений за прибытием поездов, идущих из Канады или Соединенных Штатов? Что может быть любопытнее высадки тысяч пассажиров, которых доставляли беспрестанно в Ванкувер пароходы? Сколько людей в ожидании отъезда в Скагуэй бродили вдоль улиц, не имея пристанища, кроме деревянного пирса залитого электрическим светом порта!

Зато среди этой разношерстной толпы авантюристов без пристанища, привлеченных сюда золотым миражом Клондайка, много было дела полиции. На каждом шагу попадались полицейские, одетые в темные костюмы цвета сухих листьев и готовые вмешаться в беспрестанные ссоры и драки, которые грозили кончиться кровопролитием.

Из газет Сумми Ским узнал, что зимой температура в Клондайке падает до шестидесяти градусов ниже нуля по Цельсию. Долго он не мог поверить этому, но у одного оптика в Ванкувере он заметил несколько термометров, шкала которых ниже нуля была размечена на девяносто градусов. «Ну! – тщетно старался он успокоить себя, – это игра самолюбия... Девяносто градусов!.. Очевидно, жители Клондайка, гордящиеся исключительными морозами своей страны, кокетничают этим и хотят заставить считать их выше того, что есть на самом деле». Тем не менее это беспокоило Сумми Скина. В конце концов он решился зайти к одному оптику в магазин, чтобы поближе взглянуть на эти страшные термометры.

Все термометры, показанные ему купцом, были не Фаренгейта, какие обыкновенно употребляются в Англии, а Цельсия, главным образом принятые в Канаде, где сильны еще французские традиции.

Рассмотрев термометры, Сумми Ским должен был сознаться, что он не ошибся. Эти термометры были действительно приспособлены для таких ужасных холодов.

– Эти термометры хорошо выверены? – спросил Сумми Ским, чтобы сказать что-нибудь.

– Без сомнения, сударь, – ответил оптик. – Вы останетесь ими довольны.

– Уж конечно, не в тот день, когда они вздумают показывать шестьдесят градусов мороза, – объявил Сумми Ским самым серьезным тоном.

– Во всяком случае, они показывают верно, – заметил купец.

– Но, – продолжал допытываться Ским, – скажите, пожалуйста, ведь эти инструменты, выставленные у вас на прилавке, – только реклама. Я не думаю, чтобы на самом деле...

– Что?

– ...ртуть падала до шестидесяти градусов.

– Очень часто, сударь, – с живостью подтвердил купец, – очень часто, и даже еще ниже.

– Еще ниже?

– Почему же нет? – ответил оптик не без гордости. – Если вам угодно, сударь, вот термометр со шкалой до ста градусов...

– Спасибо, спасибо, – поспешил ответить перепуганный Сумми Ским. – Шестидесять градусов, мне кажется, более чем достаточно!

И в самом деле, к чему покупать такой градусник? Когда глаза под покрасневшими веками горят от ледяного северного ветра, когда пар от дыхания превращается в снег, когда нельзя дотронуться до металлического предмета, не оставив на нем собственной кожи, когда приходится мерзнуть у самых жарких очагов, точно огонь потерял свою теплоту, – мало интереса знать, достигает убивающий вас холод шестидесяти или ста градусов.

Между тем дни шли, и Бен Раддл не скрывал своего нетерпения. Уж не задержался ли «Фут-Бол» в море? Известно было, что он ушел из Скагуэя 7 апреля. Так как переход этот длился не больше шести дней, то он должен был прибыть в Ванкувер тринадцатого.

Пароход, предназначенный для эмигрантов и их багажа, должен был, правда, остановиться здесь на очень короткое время, так как он не брал никакого груза. Для очистки котлов, погрузки угля и пресной воды, а также принятия на борт нескольких сот пассажиров, которые заранее заказали себе места на пароходе, было бы достаточно одних или полутора суток.

Что касается тех пассажиров, которые не позаботились своевременно о местах на «Фут-Боле», то им приходилось ожидать следующих пароходов. До этого же, ввиду недостатка в Ванкувере гостиниц и постоянных дворов, они должны были ночевать под открытым небом. По их нужде в настоящем можно было предвидеть, что их ожидает в будущем.

Большинству этих жалких людей предстояло испытать такие же лишения и на пароходах, которые должны были перевезти их из Ванкувера в Скагуэй, и еще большие лишения – во время бесконечного, ужасного путешествия их оттуда до Доусона. Места в носовых и кормовых каютах едва было достаточно для самых счастливых; в междудечном⁷ пространстве размещаются целыми семьями, причем за все шесть-семь дней перехода пассажиры должны сами заботиться обо всех своих нуждах. Что касается всех остальных, то они вынуждены сидеть в трюмах, точно животное или груз. И все-таки это лучше, чем подвергаться на палубе резким переменам погоды, снежным бурям и ледяному ветру, довольно частым в этой области, близкой к полярному кругу.

Кроме эмигрантов, наводнивших Ванкувер со всех концов Старого и Нового Света, в городе находились еще несколько сот приисковых рабочих, которые не остаются на зиму на ледяных равнинах Доусона.

Зимой невозможно продолжать эксплуатацию приисков. Когда почва покрыта на два, а то и на четыре метра снегом, когда об этот толстый снежный покров, заледенелый от сорока- или пятидесятиградусного мороза, ломаются лопаты и заступы, волей-неволей приходится прекращать работы.

Поэтому те из золотоискателей и рабочих, которые имеют такую возможность и которым в известной мере улыбнулось счастье, предпочитают вернуться на зиму в главные города Британской Колумбии. Здесь они тратят свое золото с непостижимой расточительностью и поразительным легкомыслием. Они почему-то уверены, что счастье не отвернется от них, что буду-

⁷ Междудечное пространство – пространство между палубами корабля.

щий сезон будет опять благоприятным, что им удастся открыть новые залежи и добыть целые горы золота. Они занимают лучшие комнаты в отелях и лучшие каюты на пароходах.

Как очень скоро заметил Сумми Ским, среди этих золотоискателей были самые грубые, самые дерзкие, самые шумные люди, которые предавались всем крайностям разгула в вертепах и разных казино, где они со своим золотом держали себя «большими господами».

По правде говоря, Сумми Ским мало интересовался этими людьми. Полагая – в чем он, может быть, ошибался, – что ему никогда не придется иметь что-либо общее с этими подозрительными авантюристами, он рассеянно слушал то, что говорила о них городская молва, и быстро забывал об этом.

Четырнадцатого апреля утром он и Бен Раддл прогуливались по набережной. Вдруг они услышали гудок пароходной сирены.

– Уж не «Фут-Бол» ли это, наконец?! – воскликнул Сумми.

– Не думаю, – ответил Бен Раддл. – Этот гудок слышен с юга, а «Фут-Бол» должен прийти с севера.

Действительно, это оказался пароход, шедший в Ванкувер через пролив Хуана-де-Фука с юга, а не из Скагуэя.

Тем не менее от нечего делать Бен Раддл и Сумми Ским направились к оконечности мола⁸, где томилось множество народу, высыпавшего на набережную к приходу каждого парохода, с которого высаживались несколько сот пассажиров, в ожидании другого парохода, идущего на север. Зрелище было действительно любопытное.

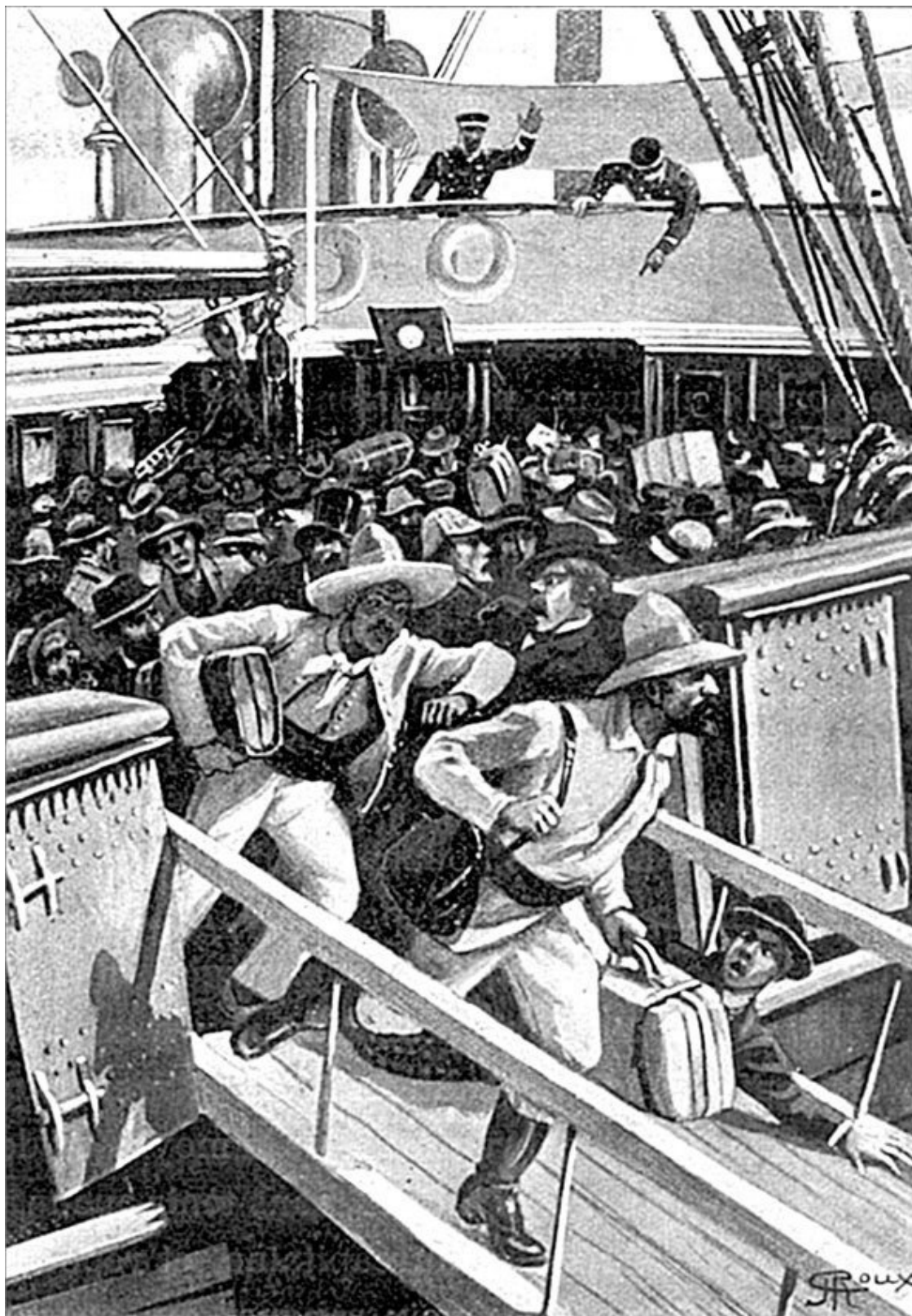
Пароход, возвестивший свистком о своем приближении, был «Смит» – судно грузоподъемностью в две с половиной тысячи тонн, которое только что обошло все порты побережья, начиная с мексиканского порта Акапулько. Специально приспособленное для прибрежного плавания, оно опять возвращалось из Ванкувера на юг, высадив здесь своих пассажиров, которые должны были еще больше переполнить город.

Как только «Смит» пристал к набережной и спустил трап, все пассажиры бросились к сходням. В мгновение ока произошла такая давка и толкотня, что трудно было протиснуться.

Но не таково было, очевидно, мнение одного из пассажиров, который самым грубым образом старался первым сойти на берег. Конечно, это был человек бывалый, знавший хорошо, как важно раньше других записаться в конторе отправления пароходов, идущих к северу. Он был высокого роста, сильный и грубый, имел черную бороду, бронзовый цвет лица, как у южан, жесткий взгляд и злое лицо, придававшее ему несимпатичный вид. Его сопровождал другой пассажир, по-видимому, той же национальности, который производил впечатление такого же нетерпеливого человека.

Вероятно, другие пассажиры спешили не меньше этого южного грубияна. Но опередить его, не обращавшего никакого внимания на замечания капитана и помощников, толкавшего локтями своих соседей и грубо ругавшегося не то по-английски, не то по-испански, было трудно.

⁸ Мол – насыпь из камней, выступающая в море и служащая волнорезом.



Вероятно, другие пассажиры спешили не меньше этого южного грубияна

– Ого! – воскликнул Сумми Ским. – Вот кого можно назвать «приятным» попутчиком! Если только он поедет на «Фут-Боле»...

– Велика беда! Всего несколько дней перехода, – ответил Бен Раддл. – Мы сумеем отстраниться от него или по крайней мере заставим его держаться от нас в стороне.

В это время находившийся около обоих кузенов какой-то любопытный из толпы воскликнул:

– Да ведь это проклятый Хантер! Вот кто наделает сегодня вечером скандалов, если только не уедет сегодня же из Ванкувера.

– Ты видишь, Бен, – заметил Сумми Ским своему кузену, – я не ошибся. Этот человек – своего рода знаменитость.

– Да, – согласился Бен, – он, по-видимому, очень известен...

– И не к своей выгоде!

– Это, конечно, – заметил Бен Раддл, – один из тех авантюристов, которые отправляются в Америку на зиму, а летом возвращаются в Клондайк, чтобы начать новые работы на приисках.

Действительно, Хантер возвращался с родины, из Техаса. Он прибыл в Ванкувер с целью ехать дальше на север на первом попавшемся пароходе. Оба они, с товарищем, были испано-американские метисы⁹. В этой пестрой толпе искателей золота они находили среду, которая отвечала их грубым инстинктам, страстному характеру и беспокойному темпераменту, их вкусу к беспорядочной жизни авантюристов, где все дается случаем.

Узнав, что «Фут-Бол» не пришел еще и, по всей вероятности, уйдет из Ванкувера только через двое суток после своего прихода, Хантер отправился в «Вестминстер-отель», где оба кузена остановились шесть дней тому назад. Сумми Ским, входя в подъезд отеля, встретился с ним нос к носу.

– Ну, верно, нам от него не уйти! – тихо проворчал Сумми.

Напрасно он старался победить в себе то неприятное впечатление, которое произвела на него встреча с этим субъектом. Как он ни уверял себя, что он и Хантер, затерявшись в огромной толпе эмигрантов, не имеют почти никаких шансов когда-либо встретиться вновь, незнакомец беспокоил нашего друга. Два часа спустя он, почти не отдавая себе ясного отчета, точно по инстинкту, обратился в контору отеля, желая узнать, кто этот человек.

– Хантер, – ответили ему. – Кто же его не знает!

– Это собственник приискового участка?

– Да, участка, который он разрабатывает сам.

– И где расположен этот участок?..

– В Клондайке.

– А более точно?..

– На Форти-Майлз-Крик.

– На Форти-Майлз-Крик! – повторил с изумлением Сумми. – Это в самом деле любопытно. Жалко, что я не знаю номера его участка. Я был готов побиться об заклад...

– Этот номер может вам сообщить всякий в Ванкувере.

– Какой же это номер?

– Номер сто тридцать один.

– Тысячу дьяволов! – воскликнул Сумми. – А наш – сто двадцать девять! Мы соседи этой прелести. Вот где можно ожидать всяких любезностей!

Сумми Ским не ошибся.

⁹ Метис – туземец смешанной крови (от брака белых с индейцами).

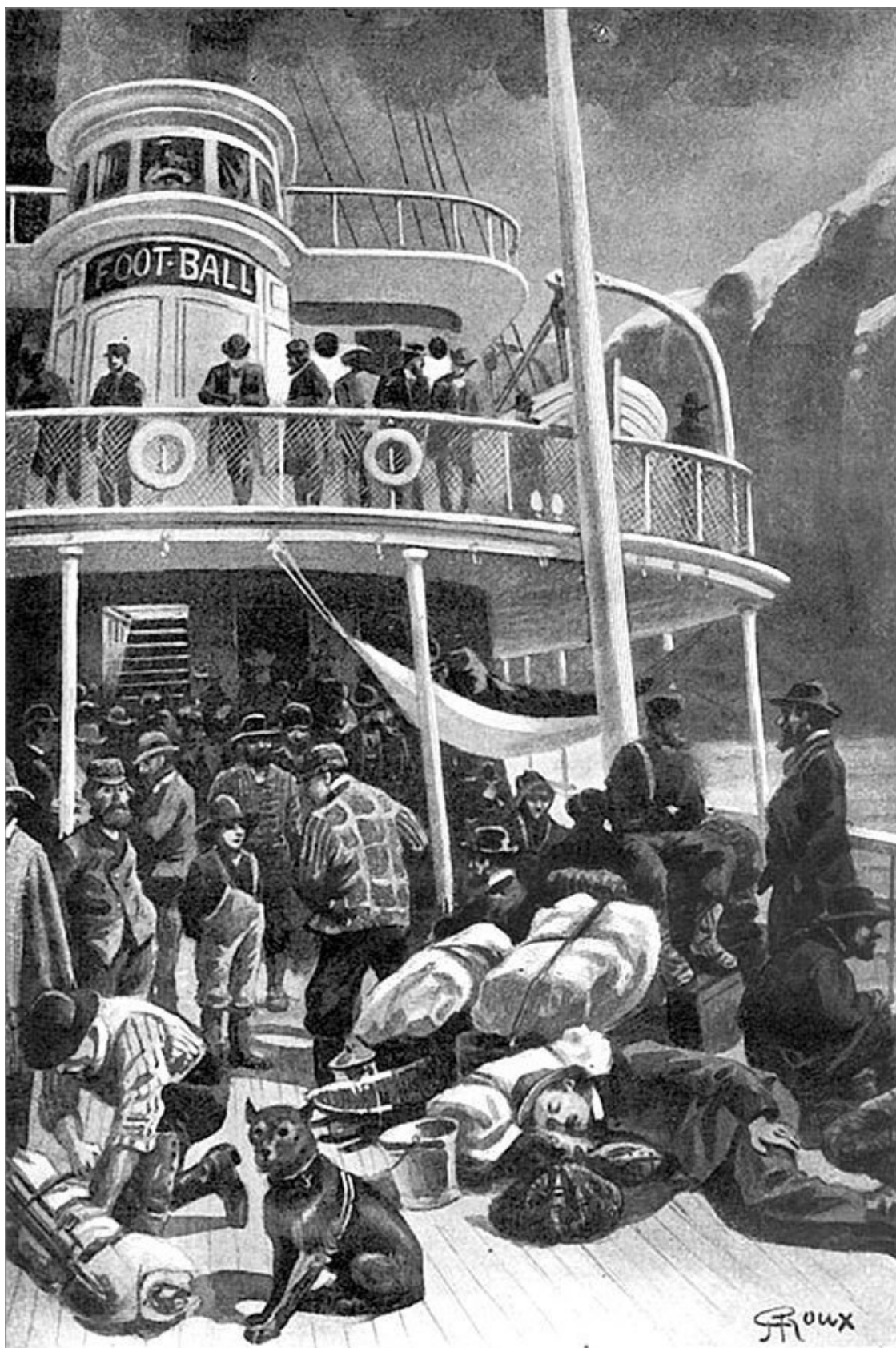
Глава пятая. На борту «Фут-Бола»

«Фут-Бол» вышел в море 16 апреля, с опозданием на двое суток. Если на этом пароходе грузоподъемностью в тысячу двести тонн было пассажиров не больше, чем тонн, то лишь потому, что инспектор навигации не разрешил взять большее количество пассажиров, так как и без того пароход был перегружен сверх нормы.

В течение суток береговые краны погружали на пароход бесчисленные узлы и багаж пассажиров, главным образом тяжелые приисковые инструменты, к которым прибавилось потом целое стадо быков, лошадей, ослов и северных оленей, не говоря уж о нескольких сотнях собак, которые предназначались для перевозки саней через область озер.

Пассажиры «Фут-Бола» принадлежали ко всем национальностям. Тут были и англичане, и канадцы, и французы, и норвежцы, и шведы, и немцы, и австралийцы, и американцы, северные и южные, одни – с семьями, другие – без них.

Весь этот шумный люд внес на пароход живописный беспорядок.



Весь этот шумный люд внес на пароход живописный беспорядок

В каютах число коек увеличено было до трех и четырех вместо обычных двух. Пространство между деками (палубами) представляло собой огромный дортуар¹⁰ с целым рядом козел, между которыми были подвешены гамаки. Что касается палубы, то по ней трудно было даже двигаться. Бедняки, не получившие кают, которые стоят тридцать пять долларов, теснились здесь около бортовых сеток и люков. Здесь они ели и здесь же, на виду у всех, отправляли все свои хозяйственные службы и нужды.

Бену Раддлу удалось получить два места в одной из кормовых кают. Третье место в той же каюте было занято норвежцем по имени Ройет, обладателем прииска на Бонанце, одном из притоков Клондайка. Это был человек мирный и мягкий, отважный и осторожный в одно и то же время, как вообще все скандинавы, которые достигают успеха благодаря своему упорству. Как уроженец Христиании, он провел зиму в родном городе и возвращался теперь в Доусон. Малообщительный, он оказался, в общем, очень покладистым товарищем по путешествию.

Счастье обоих кузенов, что им не пришлось оказаться в одной каюте с техасцем Хантером. Впрочем, если бы они даже хотели быть там, это им не удалось бы. С помощью золота Хантер получил для себя и для своего товарища четырехместную каюту. Тщетно некоторые пассажиры просили этих грубых людей уступить им два свободных места. Все они получили резкий отказ.

Как видно, Хантер и Мэлоун – так звали спутника техасца – не были стеснены в деньгах. То, что зарабатывали на своем прииске, они тратили самым безумным образом, пригоршнями бросая золото на игорные столы. Само собой разумеется, большую часть времени они проводили в игорном зале «Фут-Бола».

Выйдя из порта Ванкувер в шесть часов утра, «Фут-Бол» двинулся по каналу к северной его части. Отсюда ему оставалось только, держась недалеко от американского берега, большей частью под прикрытием островов Королевы Шарлотты и Принца Уэльского, подняться до места назначения.

В течение этих шести дней плавания кормовые пассажиры не могли покидать юта¹¹. Гулять по палубе было невозможно, так как она была вся завалена и заставлена перегородками, в которых везли животных – быков, лошадей, ослов и оленей. Кроме того, по всей палубе бродили воющие собаки и группы подавленных нищетой эмигрантов и их жен, окруженных болезненными детьми. Эти ехали не для разработки за свой счет каких-либо приисков, а для того, чтобы наняться на службу синдикатов.

– Ты сам этого хотел, Бен, – сказал Сумми Ским в тот момент, когда пароход выходил из гавани. – Вот мы и на пути в Эльдorado. Мы тоже сделались частицей этого общества искателей золота, которое едва ли принадлежит к числу лучших.

– Было бы странно, если бы это было иначе, мой дорогой Сумми, – ответил Бен Раддл. – Надо принимать вещи такими, каковы они есть.

– Я предпочел бы вовсе не брать их, – возразил Сумми. – Да и, по правде говоря, Бен, мы совсем для этого не годимся. Что мы получили в наследство прииск – ну, это так! Но если бы даже он был усеян золотом, это вовсе не значит, что нам надо сделаться золотоискателями.

– Ну, хорошо, хорошо... – ответил Бен Раддл, слегка пожимая плечами.

Это совсем не успокоило Сумми Скима, и он продолжал:

– Мы едем в Клондайк, чтобы продать прииск нашего дядюшки Жозиаса, не так ли? Но знаешь, при одной мысли, что мы заразимся инстинктами, страстями и нравами этой толпы авантюристов...

– Берегись, – сказал Бен Раддл, смеясь, – ты сделаешься проповедником, Сумми!

¹⁰ Дортуар – общая спальня в закрытом учебном заведении или общежитии.

¹¹ Ют – задняя палуба корабля.

– А почему бы нет, Бен? Да, мне отвратительны эта жажда золота и это ужасное желание богатства, которые обрекают людей на такое жалкое существование. Это какая-то азартная игра. Это скачка с препятствиями из-за золотого самородка! Ах, когда я подумаю, что, вместо того чтобы плыть на этом пароходе в чудовищно далекий край, я мог бы быть в Монреале и готовиться к тому, чтобы приятно провести лето в «Зеленой Поляне»...

– Ты обещал мне, Сумми, что не станешь упрекать меня.

– Я закончил, Бен; это в последний раз. С этих пор я думаю лишь о том, как бы...

– ...скорее прибыть в Доусон? – спросил не без иронии Бен Раддл.

– Как бы скорее вернуться, Бен, – откровенно ответил Сумми Ским.

Пока «Фут-Бол» шел каналом, пассажиры не страдали от морской качки. Она едва чувствовалась. Но когда пароход миновал северную оконечность острова Ванкувер, он оказался в открытом море.

Погода стояла холодная, ветер дул резкий. Довольно крупные волны разбивались о колумбийский берег. Сильный дождь сменился снежной метелью. Можно представить себе, что должны были испытать палубные пассажиры, подверженные в большей части морской болезни. Страдали и животные. К свисту ветра присоединился такой концерт мычания, бляхья и ржания, который трудно было бы даже представить. Вдоль борта бегали и валялись собаки, которых невозможно было держать взаперти или на привязи. Некоторые из них сделались как бешеные, бросались на пассажиров. Боцману пришлось нескольких из них застрелить из револьвера.

Техасец Хантер и его товарищ Мэлоун с первого же дня плавания проводили все время у игорного стола в компании игроков. В зале, где шла игра, образовался настоящий притон, откуда днем и ночью неслись проклятия и самая грубая ругань.

Что касается Бена Раддла и Сумми Скима, то бесполезно говорить, что они мужественно переносили дурную погоду. Они, в качестве присяжных наблюдателей, целый день проводили на юте и уходили в свою каюту лишь на ночь. Их привлекало зрелище громадной толпы на палубе и на юте, где попадались типы, если и не такие разношерстные, как на палубе, зато более своенравные: здесь были высшие представители породы авантюристов.

В первые же часы перехода они заметили двух пассажиров, точнее, двух пассажирок, которые резко выделялись среди других. То были две женщины или, вернее, девушки двадцати – двадцати двух лет, судя по сходству – сестры: одна блондинка, другая – брюнетка, обе небольшого роста, очень красивые.

Они не расставались. Блондинка постоянно находилась около брюнетки, которая, как казалось с первого взгляда, играла ведущую роль. С утра они долго гуляли вместе по корме, потом спускались на палубу, ходили среди нищих пассажиров и, останавливаясь около матерей, обремененных детьми, оказывали им тысячи тех мелких услуг, на которые способны только женщины.

Много раз Бен и Сумми смотрели с юта на это трогательное зрелище, и их интерес к обеим девушкам все возрастал. На окружающем грубом фоне их сдержанность, их очевидное превосходство до такой степени бросались в глаза, что ни один из разнузданных людей, с которыми они сталкивались почти ежеминутно, не осмелился быть с ними невежливым.

Что делала на «Фут-Боле» эта прелестная молодая парочка? Оба кузена задавали себе этот вопрос, не будучи в состоянии на него ответить. И их симпатия к девушкам еще больше возрастала с увеличением любопытства.

К тому же нельзя было не заметить, что обе девушки приобрели поклонников и среди других пассажиров. Во всяком случае, двое из них обращали на красавиц особенное внимание. Эти двое были не кто иные, как техасец Хантер и его товарищ Мэлоун.

Всякий раз, когда они решались покинуть игорный стол, чтобы немного подышать чистым воздухом, они давали этому новое доказательство. Толкая друг друга локтями и пере-

мигиваясь самым бесцеремонным образом, они громко обменивались грубыми замечаниями и ходили вокруг обеих сестер, которые, впрочем, казалось, вовсе не замечали присутствия двух грубиянов.

Часто Бен Раддл и Сумми Ским, присутствуя при этих маневрах, хотели вмешаться. Но по какому праву они сделали бы это? В конце концов, Хантер и Мэлоун не переходили возможных в этом обществе границ и жертвы их грубой назойливости не обращались ни к кому за помощью.

Поэтому оба кузена ограничивались тем, что следили издали за своими будущими соседями на Форти-Майлз-Крик, все больше желая, однако, чтобы случай позволил им познакомиться с обеими пассажирками.

Этот случай представился только на четвертый день переезда. В это время «Фут-Бол», прикрытый островом Королевы Шарлотты, шел в более благоприятных условиях. Море было спокойно. В стороне берега виднелись фьорды¹², похожие на фьорды Норвегии, которые должны были не раз вызвать воспоминания о родине у спутника по каюте Бена Раддла и Сумми Скима. Вокруг этих фьордов возвышались высокие скалы, по большей части покрытые лесом. Между ними виднелись деревушки или хижины рыбаков, а иногда – одинокие домики, обитатели которых, индейцы по происхождению, жили охотой и рыбной ловлей. Завидев «Фут-Бол», они подъезжали на лодках продавать различные продукты, на которые легко находились покупатели.

Если за береговыми скалами виднелись в некотором отдалении покрытые снегом вершины гор, то со стороны острова Королевы Шарлотты открывались лишь длинные поляны или леса, все белые от инея. То тут, то там виднелись также хижины, расположенные у берегов узких речек, на которых качались в ожидании благоприятного ветра рыбацьи лодки.

Оба кузена познакомились с симпатичными девушками в тот момент, когда «Фут-Бол» подходил к оконечности острова Королевы Шарлотты. Это случилось самым обыкновенным образом, в связи с благотворительным сбором, который предприняли девушки в пользу бедной женщины, родившей на пароходе ребенка, к счастью, крепкого и здорового.

Сопровождаемая, по обыкновению, блондинкой, брюнетка подошла после других пассажиров к Бену и Сумми. Подав несколько монет, Бен Раддл завязал непринужденный разговор, причем без труда узнал то, что хотел. Оказалось, что девушки – не родные сестры, а кузины, что года их, если не считать нескольких дней разницы между ними, были одинаковы и что их фамилия Эджертон, а имена: блондинки – Эдита, а брюнетки – Джейн, или Жанна.

Эти разъяснения дала Жанна, нисколько не стесняясь. После того обе девушки удалились, причем блондинка не произнесла ни одного слова.

Любопытство Бена и Сумми не было удовлетворено этими краткими объяснениями. Эджертон – это была фамилия двух братьев, одно время гремевшая по всей Америке. Большие дельцы, они в несколько часов создали себе на спекуляции хлопком состояние, сделавшееся потом колоссальным. Но счастье изменило им. Оба Эджертона сразу разорились и исчезли в безвестной массе, как исчезли и исчезнут в ней еще многие другие. Было ли что-нибудь общее между этими сказочными миллиардерами и молодыми пассажирками «Фут-Бола»?

Получить ответ на этот вопрос было очень легко. Лед был сломлен теперь, и, конечно, не вблизи полярного круга, где люди сохраняют лед в своих отношениях. Поэтому не прошло и часа, как Бен Раддл подошел к Жанне Эджертон и снова завязал с ней разговор, прямо задав ей этот вопрос.

Ответ не заставил себя ждать. Да, Эдита и Жанна Эджертон были действительно дочерьми этих двух «королей хлопка», как называли когда-то их отцов. Им было по двадцать

¹² Фьорды – глубоко вдающиеся в материк узкие и глубокие морские бухты, разветвляющиеся на меньшие по объему заливы, окаймленные высокими скалистыми берегами.

два года, и у них не было ни крупинки того золота, которое их отцы загребали лопатами. Они остались сиротами. Их матери умерли уже давно, в один и тот же день, шесть месяцев спустя после того, как оба брата Эджертоны погибли во время крушения поезда.

Пока Бен Раддл спрашивал, а Жанна отвечала ему, Эдита и Сумми оба хранили молчание. Более застенчивые и, во всяком случае, менее решительные, они прислушивались к разговору.

– Не будет нескромностью с моей стороны, мисс Эджертон, – продолжал спрашивать Бен Раддл, – спросить вас, с какой целью вы предприняли это далекое и тяжелое путешествие? Оно удивило и меня, и моего кузена, когда мы заметили вас на борту «Фут-Бола».

– Нисколько, – ответила Жанна Эджертон. – Старый знакомый моего дядюшки, доктор Пилькоккс, только что назначенный директором госпиталя в Доусоне, предложил место надзирательницы и сестры милосердия моей кузине Эдите, которая тотчас же приняла его и немедленно пустилась в путь.

– В Доусон?!

– Да, в Доусон.

Взгляды обоих кузенов, Бена Раддла – всегда спокойный, а Сумми – начинавший выражать удивление, обратились на блондинку Эдиту, которая нисколько ими не смутилась. И чем внимательнее они приглядывались к ней, тем менее безрассудным представлялось им ее отважное предприятие. Очевидно, Эдита была совсем иной, чем ее кузина. У нее не было такого решительного взгляда, такой свободы обращения, такой осанки. Но внимательный наблюдатель заметил бы, что в смысле энергии и воли она ей не уступит. Имея различные натуры, обе девушки обладали равноценными качествами характера. Если одна обладала решимостью и волей, то другая поражала цельностью, методичностью и последовательностью. Смотря на ее гладкий четырехугольный лоб, на ее голубые, светящиеся умом глаза, легко можно было понять, что все новейшие идеи и впечатления принимались и усваивались ею в удивительном порядке, точно Эдита Эджертон раскладывала их по ящикам, откуда могла вынимать по своему усмотрению; вообще эта прелестная головка обладала, по-видимому, удивительной способностью к систематизации. Без сомнения, эта девушка имела темперамент настоящего администратора, с которым она могла оказать большую пользу госпиталю в Доусоне.

– Хорошо, – сказал Бен Раддл, не выражая ни малейшего удивления. – А вы, мисс Жанна, вы тоже собираетесь посвятить свои силы облегчению человеческих страданий?

– О, я... – ответила, улыбаясь, Жанна, – я оказалась менее счастливой, чем Эдита, и у меня сейчас нет никакого общественного положения. Но так как ничто не удерживало меня на Юге, то я предпочла поехать искать счастье на Севере, вот и все.

– Что же вы намерены делать?

– Да то же делать, – ответила спокойно Жанна, – что и все: искать золото.

– Что?! – воскликнул совершенно опешивший Сумми.

Нужно сказать правду, что и Бену Раддлу понадобилось все его самообладание, чтобы не последовать примеру кузена и не изменить принципу, что человек не должен ничему удивляться. Эта молодая девушка будет золотоискательницей!..

Жанна, обидевшись на замечание Сумми Скима, обернулась к нему.

– Что же в этом особенного? – спросила она вызывающим тоном.

– Но... мисс Жанна... – продолжал Сумми, не оправившийся еще от смущения. – Подумайте только... женщина!..

– А почему бы, сударь, скажите, пожалуйста, не делать женщине того же, что делаете вы? – возразила Жанна Эджертон невозмутимо.

– Я!.. – запротестовал Сумми. – Но я не золотоискатель!.. Я просто владелец прииска, и если я еду в этот проклятый край, то, поверьте, против своего желания. Мое единственное желание – вернуться как можно скорее.

– Пусть так! – согласилась Жанна с оттенком пренебрежения в голосе. – Но вы здесь не один. То, что пугает вас, делают тысячи других. Почему их примеру не может последовать женщина?

– Однако... – пробормотал снова Сумми. – Мне кажется... сила... здоровье... да, наконец, просто костюм, черт возьми!

– Здоровье? – повторила Жанна Эджертон. – Я вам могу пожелать иметь мое. Сила? Игрушка, которая у меня в кармане, дает мне ее столько, сколько нет у шести атлетов. Что касается моего костюма, я не вижу, почему он хуже вашего. Может быть, на свете есть гораздо больше женщин, способных носить панталоны, чем мужчин, достойных того, чтобы носить женские юбки.

Сказав это, Жанна Эджертон прервала разговор, кивнув совершенно покоренному ею Сумми. Затем она пожала Бену Раддлу руку и удалилась, сопровождаемая своей молчаливой кухней, которая во все время этого разговора не переставала улыбаться.

Между тем «Фут-Бол» миновал северную оконечность острова Королевы Шарлотты. Выйдя в пролив Диксона, замыкающийся островом Принца Уэльского, пароход вновь очутился в открытом море. Но ветер, сменившись на северо-восточный, дул теперь с материка, и качка значительно ослабела.

Именем Принца Уэльского называется целый архипелаг, оканчивающийся на севере множеством мелких островков. За ним тянется остров Баранова, где русские основали Ново-Архангельский форт и где находится город Ситка, сделавшийся областным центром со времени уступки Аляски Россией Северо-Американским Штатам.

Вечером 19 апреля «Фут-Бол» прошел в виду порта Симпсон, последнего канадского пункта на материке. Через несколько часов после этого пароход был в водах американского штата Аляска, а 20 апреля, утром, он остановился в порте Врангеля, в устье реки Стикин.

В городе можно было насчитать всего около сорока домов, несколько лесопилок, гостиницу, казино и несколько игорных домов, которые во время сезона золотодобычи делали прекрасные дела.

Во Врангеле высаживаются те из золотоискателей, которые направляются в Клондайк по реке Телеграфной, а не по озерной дороге, идущей от Скагуэя. Эта дорога имеет протяжение не менее четырехсот тридцати километров, которые приходится делать при самых тяжелых условиях. Зато, с другой стороны, она дешевле других. Поэтому, несмотря на полученные указания, что санного пути еще нет, около пятидесяти пассажиров сошли с парохода, решившись преодолеть опасности и трудности этого путешествия по бесконечным равнинам Полярной Колумбии.

Начиная от Врангеля, пролив становится уже, извилины его – капризнее. Пройдя через настоящий лабиринт островов, «Фут-Бол» достиг Джуно, деревни, которая находится на пути к тому, чтобы сделаться городом, и названа была так в 1882 году по имени основателя.

За два года до этого тот же самый Джуно и его товарищ Ричард Гаррис открыли россыпи Сильвер-Боу-Бэссин, откуда они через несколько месяцев привезли на пятьдесят тысяч франков золота в самородках.

С этого времени началось нашествие сюда золотоискателей, привлеченных слухом об этом открытии, и впервые началась эксплуатация золотоносных земель в области Кассиара, предшествовавшая эксплуатации Клондайка. Вскоре после того прииск Тридвилл, на котором работали двести сорок толчейных пестов, обрабатывал до пятнадцати тысяч тонн кварца и приносил до двух миллионов пятисот тысяч франков в год.

Когда Бен Раддл сообщил Сумми Скиму об удивительных результатах, достигнутых на этой территории, последний ответил:

– Вот жалость, что дядюшка Жозиас не поехал этим путем, направляясь на свой будущий прииск на Форти-Майлз-Крик!..

– Почему, Сумми?

– Потому что он остался бы тут, и мы могли бы сегодня сделать то же самое...

Сумми Ским говорил о золоте. Если бы речь шла только о том, чтобы добраться до Скагуэя, жаловаться не приходилось бы. Но тут-то, наоборот, и начинались настоящие трудности. Предстоял переход через перевал Чилкут, чтобы добраться по озерам до левого берега Юкона. А между тем как торопились все пассажиры достигнуть этого края, который орошала большая водная артерия Аляски! Если они думали о будущем, то не для того, чтобы останавливаться мыслью на трудностях, испытаниях, опасностях и разочарованиях. Для них на горизонте все явственнее вырастал золотой мираж.

После Джуно пароход поднялся по каналу, доступному для пароходов небольшого водоизмещения, вплоть до Скагуэя, куда должны были прибыть на следующий день. Дальше до города Дайи могли пройти лишь плоскодонные суда. На северо-западе блестел возвышающийся на восемьдесят метров ледник Мюра, с которого в Тихий океан беспрестанно с шумом обрушиваются лавины.

В течение этого последнего вечера, который пассажирам предстояло провести на пароходе, в игорном зале завязалась отчаянная игра. Многие из тех, кто посещал его во время плавания, должны были оставить здесь всё до последнего доллара. В числе этих отчаянных игроков находились, конечно, и оба техасца – Хантер и Мэлоун. Другие, впрочем, были не лучше, и вряд ли стоило делать различие между этими авантюристами, которые были завсегдатаями во всех игорных домах Ванкувера, Врангеля, Скагуэя и Доусона.

По шуму, который доносился из игорного зала, можно было судить о тех плачевных сценах, которые там происходили. Можно было опасаться, что в дело вмешается капитан «Фут-Бола». Пассажиры заперлись в своих каютах.

Было десять часов, когда Сумми Ским и Бен Раддл решили вернуться в свою каюту. Открыв дверь в большой зал, через который им нужно было пройти, они заметили Жанну и Эдиту Эджертон, которые в это время шли к себе. Оба кузена направились к ним, чтобы пожелать девушкам спокойной ночи, как вдруг дверь игорного зала с шумом открылась и из него вышли человек двенадцать игроков.

Во главе их находился Хантер, сильно пьяный и дошедший до последнего градуса возбуждения. Потрясая левой рукой бумажником, набитым банковскими билетами, он ревел от радости. Группа авантюристов составляла его свиту и громко приветствовала его.

– Хип! Хип! Хип! – выкрикивал Мэлоун.

– Ур-ра! – гремел хор, как один человек.

– Ур-ра! – повторил Хантер.

Затем, пьянея, он закричал громовым голосом:

– Буфетчик! Шампанского!.. Десять, двадцать, сто бутылок шампанского!.. Я обыграл всех сегодня!.. Всё выиграл!..

– Всё! Всё! Всё! – ревел в ответ ему хор.

– И я приглашаю всех пассажиров и экипаж от капитана до последнего матроса!

Привлеченные шумом, пассажиры заполнили зал.

– Ур-ра! Браво, Хантер! – кричали авантюристы, аплодируя и руками, и ногами так, что звенели стекла.

Но Хантер уже не слушал их. Он заметил вдруг Эдиту и Жанну Эджертон, которые не могли выйти из зала вследствие скопления народа. Он бросился вперед и грубо схватил Жанну за талию.

– Да, я приглашаю всех, – воскликнул он снова, – и вас тоже, мое прекрасное дитя!

При этом грубом натиске Жанна Эджертон несколько не растерялась. Она уже собралась ударить негодяя в лицо по всем правилам бокса. Но что могли сделать ее слабые руки против этого человека, который был вне себя и силы которого в этот момент удвоились от опьянения?

– Э! Вы злы, моя красавица! – засмеялся Хантер. – Придется, пожалуй...

Он не кончил фразы. Могучая рука схватила бандита за горло и отбросила его на десять шагов.

В зале воцарилось молчание. Присутствующие наблюдали обоих противников, из которых один был известен своим задором, а другой только что проявил свою силу. Хантер уже поднимался, несколько оглушенный, выхватил нож, но в этот момент новый инцидент умерил его воинственные наклонности. По звуку ступенек трапа можно было догадаться, что кто-то сходил с мостика. Очевидно, это спускался капитан, привлеченный шумом. Хантер прислушался и понял свое бессилие. Посмотрев на противника, нападение которого было так неожиданно, что он даже не заметил его, он узнал в нем теперь Сумми Скипа и сказал ему:

– А, это вы!

И, вложив нож в ножны, прибавил угрожающим тоном:

– Мы еще свидимся, приятель!

Неподвижный Сумми, казалось, ничего не слышал. Его выручил Бен Раддл.

– Когда и где вы хотите? – сказал он, выступив вперед.

– На Форти-Майлз-Крик в таком случае, господа с номера сто двадцать девять! – воскликнул Хантер и выбежал из зала.

Сумми все еще не двигался. Он, который в спокойном состоянии не раздавил бы и мухи, был вне себя от своей вспышки.

Жанна Эджертон подошла к нему.

– Благодарю вас, сударь, – сказала она спокойно, пожимая ему руку.

– Да, благодарю вас, сударь, – повторила Эдита более взволнованным тоном, пожимая ему другую руку.

При этом двойном рукопожатии Сумми вновь спустился на землю. Но сознавал ли он то, что произошло? С неопределенной улыбкой человека, упавшего с Луны, он сказал самым любезным тоном:

– Спокойной ночи, сударыни.

К сожалению, эта вежливость не дошла по адресу молодых девушек, потому что, когда Сумми Ским заметил их отсутствие, они обе уже с минуту назад покинули зал.

Глава шестая. Жанна Эджертон и К°

Скагуэй, как и все вообще пункты остановки в крае, где нет ни дорог, ни средств передвижения, был сначала лишь лагерем золотоискателей. Затем мало-помалу разбросанные хижины превратились в избы, и наконец на этой земле, цена которой беспрестанно росла, выстроены были настоящие дома. Но кто знает, может быть, в будущем, когда золотые россыпи истощатся, все эти города, основанные исключительно для временных потребностей, будут покинуты и эта область снова превратится в пустыню.

Действительно, сравнивать эту территорию с Австралией, Калифорнией и Трансваалем невозможно. В тех странах деревни могли превратиться в города даже в том случае, если бы золотых приисков там не было. Там земля плодородна, местность обитаема, коммерческие и промышленные предприятия могли получить значительное развитие. Отдав свои богатства, земля могла дать и другую работу людям.

Но здесь, в этой части Канады, на границе Аляски, почти у пределов полярного пояса, в этом ледяном климате дело обстояло иначе. Когда последние самородки будут извлечены из земли, зачем людям жить в этой бесплодной местности, наполовину истощенной уже промысловиками.

Поэтому вполне возможно, что так быстро возникшие в этой области города, где сейчас нет недостатка ни в бойких делах, ни в притоке путешественников, мало-помалу исчезнут, когда станут пустыми прииски Клондайка. Это случится, несмотря на то что различные финансовые компании стараются всячески облегчить здесь средства передвижения, несмотря даже на то, что возник вопрос о постройке железной дороги от Врангеля до Доусона.

Ко времени прибытия «Фут-Бола» в Скагуэй этот город кишел эмигрантами, которые прибыли сюда или с тихоокеанского парохода, или по железным дорогам Канады и Соединенных Штатов; все они направлялись на территорию Клондайка.

Некоторые из путешественников ехали до Дайи – городка, расположенного на самом конце канала, – не на пароходах, для которых глубина его была недостаточна, а на плоскодонных лодках, построенных таким образом, чтобы они могли пройти от одного города до другого; это сокращало тяжелую дорогу по сухому пути.

Оба кузена остановились в одной из нескольких гостиниц Скагуэя, причем заняли вместе одну комнату за цену, которая превосходила даже цены Ванкувера. Поэтому они приняли все меры, чтобы выехать из комнаты как можно скорее.

В ожидании отъезда в Клондайк путешественники заполнили всю эту гостиницу. В обеденном зале сходились все национальности, но стол был, к сожалению, местный. Имели ли, однако, право быть разборчивыми все эти эмигранты, которым предстояло несколько месяцев самых тяжелых лишений?

Сумми Скимму и Бену Раддлу не пришлось за время их пребывания в Скагуэе встретить техасцев, с одним из которых Сумми имел такое резкое столкновение перед концом плавания. Немедленно по приезду Хантер и Мэлоун отправились в Клондайк. Так как они возвращались туда, откуда приехали шесть месяцев назад, то средства для передвижения были у них обеспечены заранее. Им оставалось только двинуться в путь, не затрудняя себя перевозкой инструментов, которые уже имелись на их прииске, на берегу Форти-Майлз-Крик.

– Наше счастье, – сказал Сумми Ским, – что нам не придется иметь своими спутниками этих грубиянов. Мне, право, жаль тех, кому пришлось ехать вместе с ними, хотя, впрочем, другие типы из этой подозрительной компании, вероятно, не лучше.

– Конечно, – ответил Бен Раддл, – но эти грубияны счастливее нас. Они не задержались в Скагуэе, а нам придется ждать несколько дней.

– Э, доберемся, Бен, и мы, доберемся, – воскликнул Сумми Ским, – и встретим этих мошенников на их участке номер сто тридцать один! Великолепное соседство! Приятная близость! Живительная перспектива, в самом деле! Вот что заставит нас, надеюсь, поторопиться продать наш участок и ехать назад.

Если Сумми Ским не приходилось больше беспокоиться по поводу присутствия Хантера и Мэлоуна, зато он вскоре встретился опять с молодыми пассажирками, которых с таким благородством защитил. Они остановились в том же отеле и встречались здесь не раз с обоими кузенами. При встречах они обменивались несколькими словами, незначительность которых не исключала их дружеского оттенка. Затем и те, и другие расходились, занятые своими делами.

Нетрудно было угадать, что обе молодые девушки были озабочены вопросом, как бы найти наиболее практичный способ добраться до Доусона. Но случая к тому как будто не представлялось. Через двое суток после прибытия в Скагуэй ничто не указывало, чтобы в этом отношении девушкам улыбнулось счастье. По крайней мере, как ни старалась сохранить самообладание Жанна Эджертон, на ее лице замечались признаки начинавшегося беспокойства.

Бен Раддл и Сумми Ским, интерес которых к молодым путешественницам рос со дня на день, не могли без волнения и жалости подумать об опасностях и затруднениях, которые те должны были встретить. Какую поддержку, какую помощь могли найти они в случае надобности среди этой толпы эмигрантов, в которых зависть, жадность и страсть к золоту убили всякое чувство сострадания?

Вечером 23 апреля Сумми Ским, не будучи в состоянии сдерживаться больше, рискнул подойти к кухне-блондинке, вид которой его меньше смущал.

– Ну как, мисс Эдита, – спросил он, – со времени приезда в Скагуэй нет ничего нового?

– Ничего, сударь, – ответила молодая девушка.

Сумми при этом неожиданно заметил, что, в сущности, он в первый раз слышит голос с таким музыкальным тембром.

– Вы, конечно, изучаете вместе с вашей кухней те средства передвижения, которые имеются здесь до Доусона?

– Да.

– И вы еще ничего не решили на этот счет?

– Нет, сударь, ничего еще.

Эдита Эджертон, говоря это, была, конечно, любезна. Но тон, которым она говорила, обескуражил желавшего прийти ей на помощь Сумми Скипа, и разговор на этом прервался.

Тем не менее у Сумми было определенное намерение, и на другой день разговор возобновился. Обе молодые девушки вели в это время переговоры, желая присоединиться к одному каравану, который готовился выступить в дорогу через несколько дней. В состав этого каравана входила лишь партия людей явно уголовного типа. Хороша была бы эта компания для путешественниц, таких, в сущности, беспомощных и слабых!



В состав этого каравана входила лишь партия людей явно уголовного типа

Как только Сумми заметил их, он, подбодренный на этот раз присутствием Бена Раддла и Жанны Эджертон, немедленно приступил к осуществлению своей задачи.

– Ну что, госпожа Эдита, – повторил вчерашний вопрос Сумми, который не отличался изобретательностью, – ничего нового?

– Ничего, сударь, – объявила вновь Эдита.

– Это может продолжаться довольно долго.

Эдита сделала легкий жест. Сумми продолжал:

– Не будет нескромностью спросить вас, как вы намерены продолжать ваше путешествие до Доусона?

– Нисколько, – ответила Эдита. – Мы хотим составить маленький караван с теми людьми, с которыми мы только что говорили.

– В принципе, это хорошая идея, – согласился Сумми. – Но, сударыня, извините меня, что я вмешиваюсь не в свое дело: хорошо ли вы обдумали ваше намерение, прежде чем на него решиться? Люди, к которым вы хотели присоединиться, кажутся мне очень подозрительными, позвольте мне сказать это...

– Нам не приходится выбирать, – прервала его Жанна Эджертон, смеясь. – Наше состояние не позволяет нам водить знакомство с принцами.

– Не нужно быть принцем, чтобы стоять выше ваших будущих спутников. Я уверен, что вам придется покинуть их караван на первой же стоянке.

– Если так, мы будем продолжать наш путь одни, – ответила просто Жанна.

Сумми всплеснул руками:

– Одни!.. Что вы говорите?.. Вы погибнете в дороге!

– Почему нам ждать больше опасностей, чем вам? – возразила Жанна, принимая свой обычный надменный вид. – То, что можете делать вы, можем и мы.

Очевидно, она сдаваться не хотела.

– Конечно, конечно, – согласился Сумми, не желая раздражать ее. – Но дело в том, что ни мой кузен, ни я не намерены путешествовать одни до Доусона. У нас будет проводник, отличный проводник, который поможет нам своей опытностью и достанет все нужное для дороги.

Сумми принял корректную позу и прибавил:

– Почему бы вам не воспользоваться этими преимуществами?

– Но в качестве кого?

– В качестве наших гостей, разумеется, – горячо заявил Сумми.

Жанна протянула ему дружески руку:

– Моя кузина и я, господин Ским, очень благодарны вам за ваше любезное предложение, но принять его мы не можем. Как ни скромны наши средства, они достаточны для нашей цели, и мы решили никому не быть обязанными, за исключением случаев самой крайней необходимости.

По спокойному тону этого заявления видно было, что переубеждать девушек было бы напрасным трудом.

Обратившись к Бену Раддлу, Жанна прибавила:

– Разве я не права?

– Совершенно правы, мисс Жанна, – объявил Бен, не обращая никакого внимания на отчаянные знаки, которые делал ему кузен.

Тотчас по приезду в Скагуэй Бен Раддл занялся изысканием средств для переезда в столицу Клондайк. Следуя указаниям, которые были им получены в Монреале, он прибег к помощи некоего Билла Стелла, которого ему рекомендовали и с которым советовали войти в деловые переговоры.

Билл Стелл, канадец по происхождению, был старинным жителем равнин. В течение нескольких лет он исполнял обязанности разведчика в канадских войсках, заслужив одобрение своих начальников, и принимал участие в продолжительных войнах, которые пришлось вести

против индейцев. Он считался человеком чрезвычайно храбрым, хладнокровным и энергичным.

Билл занимался теперь тем, что служил проводником для эмигрантов, которые с наступлением лета ехали или возвращались в Клондайк. Он не был простым проводником. Он был начальником целого отряда и владел всем необходимым для таких трудных путешествий: лодками и гребцами, необходимыми для переезда через озера, санями и собаками для перехода через ледяные равнины, которые тянутся за перевалом Чилкут. В то же время он принимал на себя и обязанность заботиться о пропитании организуемого им каравана.

Именно потому, что Бен Раддл еще в Монреале рассчитывал воспользоваться услугами Билла Стелла, он не взял с собой тяжелого багажа. Он знал, что Билл предоставит все необходимое для того, чтобы достигнуть Клондайка, и был уверен, что ему удастся сговориться с ним относительно путешествия туда и обратно.

Когда на другой день после приезда в Скагуэй к Биллу Стеллу отправился Бен Раддл, ему сказали, что тот отсутствует, Билл отправился проводником каравана через перевал Уайт-пасс до озера Беннетт. Но с тех пор прошло уже дней десять, и если он почему-либо не задержался или не нанялся к другим путешественникам, то скоро должен был вернуться.

Так и случилось. Утром 25 апреля Бен Раддл и Сумми Ским могли уже переговорить с Биллом Стеллом.

Этому человеку было лет пятьдесят. Он казался сделанным из железа. Волосы у него были жесткие и грубые, борода – с проседью, взгляд твердый и пронизательный. Рост он имел средний. На его симпатичном лице лежал отпечаток безукоризненной честности. В течение своей долгой службы в канадской армии он приобрел такие редкие качества, как осмотрительность, расторопность и осторожность. При его сосредоточенности, методичности и опытности он нелегко поддавался бы обману. В то же время, будучи философом по натуре, он смотрел на жизнь оптимистически. Довольный своей судьбой, он никогда не помышлял о подражании тем, кого провожал в золотоносные земли. Ежедневный опыт доказывал ему воочию, что подавляющее большинство этих людей не выдерживало всех трудностей такого предприятия, или же они возвращались из него еще более несчастными, чем были раньше.

Бен Раддл познакомил Билла Стелла со своим планом скорейшей отправки в Доусон.

– Хорошо, сударь, – ответил Билл. – Я весь к вашим услугам. Это мое ремесло, к тому же у меня есть всё необходимое для такого путешествия.

– Я знаю это, Билл, – сказал Бен Раддл, – и я знаю также, что на вас можно положиться.

– Вы рассчитываете пробыть в Доусоне лишь несколько недель? – спросил Билл Стелл.

– Да, вероятно.

– Значит, речь идет не об эксплуатации прииска?

– Этого я не знаю. Пока вопрос касается лишь продажи того участка, которым мы владеем с моим кузеном и который мы получили в наследство. Нам уже было предложено продать его; но прежде чем согласиться на это, мы захотели сами убедиться в стоимости этого кусочка земли.

– Это разумно, господин Раддл. В такого рода делах люди готовы всегда надуть самым бесцеремонным образом. Нужно остерегаться...

– Поэтому мы и решились предпринять это путешествие.

– И когда вы продадите ваш участок, то вернетесь в Монреаль?

– Таково наше намерение. Проводив нас туда, Билл, вы, конечно, должны отвезти нас и обратно.

Вопрос касался путешествия, которое должно было продолжиться тридцать – тридцать пять дней, причем Билл обязывался доставить для него лошадей и мулов, собак, сани, лодки и палатки. Кроме того, на нем же лежала забота о продовольствии каравана. В этом на него

можно было вполне положиться, так как он лучше всякого другого знал все требования длинного пути через эту необитаемую область.

Так как у Бена Раддла и Сумми Скипа не было с собой материалов для оборудования прииска, то стоимость путешествия была исчислена Биллом в тысячу восемьсот франков до Доусона и в такую же сумму – оттуда в Скагуэй.

Торговаться с таким честным и добросовестным человеком, как Билл, не приходилось. Тем более что в то время стоимость проезда только до озер была, в зависимости от трудностей двух существующих дорог, довольно высокой: четыреста или пятьсот центов с полкилограмма багажа по одной дороге и в шестьсот-семьсот центов – по другой. Цена, назначенная Биллом Стеллом, была, таким образом, довольно скромной, и Бен Раддл тотчас же согласился на нее.

– Итак, решено, – сказал он. – Имейте в виду, что мы хотели бы выехать как можно скорее.

– Мне нужно двое суток для приготовлений, не больше, – ответил Билл.

– Нам не нужно плыть в лодке до Дайи? – спросил Бен Раддл.

– Это лишнее. Так как у вас нет с собой тяжелого багажа, то лучше отправиться прямо из Скагуэя.

Оставалось решить, по какой дороге каравану следовать через предшествующую области озер гористую местность, на которой путешественники испытывают наибольшие трудности. На вопросы, которые задал Бен Раддл по этому поводу Биллу Стеллу, последний ответил:

– Существуют две дороги, или, вернее, две тропы: через Уайт-пасс и Чилкут. По какой бы из них ни отправлялись караваны, после перехода через эти перевалы им остается лишь спуститься к озеру Беннетта или к озеру Линдемана.

– По какой из этих дорог вы намерены отправиться, Билл?

– По дороге на Чилкут. По ней мы достигнем северной оконечности озера Линдемана после остановки в лагере Шип. На этой станции можно отдохнуть и возобновить запас провизии. Кроме того, мы найдем у озера Линдемана те средства сообщения, которые я там оставил и которые мне не придется при возвращении в Скагуэй перетаскивать через горы.

– Мы полагаемся на вашу опытность. Все, что вы сделаете, будет хорошо, – сказал Бен Раддл. – Что касается нас, то мы готовы отправиться в путь по первому вашему требованию.

– Через два дня, как я уже сказал вам, – заметил Билл Стелл. – Столько времени мне необходимо для моих приготовлений, господин Раддл. Мы двинемся в путь с раннего утра и вечером будем уже недалеко от вершины Чилкута.

– Какова ее высота?

– Тысяча метров приблизительно, – ответил Билл. – Не так уж много. Но проход узок и извилист. Особенно затрудняет движение загроможденность его толпой золотоискателей, массой багажа и обозов, не говоря уж о снежных заносах.

Хотя все это было уже условлено с Биллом Стеллом, но Бен Раддл, однако, не уходил.

– Еще одно слово, Билл, – обратился он к проводнику. – Можете вы мне сказать, на сколько стоимость проезда увеличится, если нас случайно будут сопровождать две путешественницы?

– Это зависит от обстоятельств, сударь, – ответил Билл. – Багажа много?

– Нет. Очень мало.

– В таком случае, господин Раддл, нужно считать от пятисот до семисот франков, в зависимости от рода и веса багажа, считая в этой цене и продовольствие путешественниц.

– Спасибо, Билл, мы еще посмотрим, – сказал Бен Раддл, прощаясь с ним.

Пока они шли по дороге к отелю, Сумми выразил своему кузену удивление по поводу его последнего вопроса проводнику. О ком мог думать при этом Бен, если не об Эдите и Жанне Эджертон?

– В самом деле, только о них, – согласился Бен.

– Но ты же знаешь, – заметил Сумми, – что они уже решительно отказались ехать с нами, и ты сам одобрил их за это.

– Это правда.

– И отказ был так сформулирован, что возобновлять предложение невозможно.

– Это произошло оттого, что ты неумело взялся за дело, – ответил без всякого смущения Бен. – Предоставь действовать мне, и ты увидишь, что я устрою это дело лучше тебя.

Вернувшись в гостиницу, Бен, сопровождаемый крайне заинтригованным Скимом, тотчас же пошел разыскивать молодых девушек. Найдя их в читальне, он подошел к Жанне и без дальнейших предисловий сказал:

– Сударыня, я хочу предложить вам одно дело.

– Какое? – спросила Жанна, по-видимому, нисколько не удивленная этим.

– Вот оно, – спокойно объяснил Бен. – Мой кузен Сумми предложил вам присоединиться к нам для совместного путешествия в Доусон. Я выбрал его за это, так как присутствие ваше и вашей кузины вызвало бы с нашей стороны лишний расход в семьсот франков, а человек дела, каким являюсь я, должен по необходимости заботиться о том, чтобы каждый израсходованный им доллар принес ему их несколько. К счастью, вы отклонили это предложение.

– Да, – сказала Жапна. – Что же дальше?

– Вы не можете, однако, не согласиться, что вам предстоят серьезные опасности и что предложение моего кузена облегчило бы ваше путешествие.

– Я не отрицаю этого, – сказала Жанна. – Но я не вижу...

– Сейчас я перейду к делу, – продолжал Бен, перебив девушку. – Я повторяю, что наше содействие было бы для вас чрезвычайно выгодным. Благодаря ему вы избежали бы задержек в пути и прибыли бы на прииски в хорошее время года. Если вы согласитесь на мое предложение, то шансы вашего успеха возрастут. Поэтому только справедливо, чтобы и я был заинтересован в вашем предприятии, которое я облегчаю вам. Ввиду этого я предлагаю вам переезд до Доусона за мой счет, выговаривая себе за это десять процентов с ваших будущих доходов. Жанна нисколько не смутилась этим странным предложением. Что может быть естественнее коммерческой сделки? Если же она медлила с ответом, то лишь потому, что обдумывала. Десять процентов – это много! Но дорога в Клондайк длинна и трудна. А отвага не исключает благоразумия.

– Я согласна, – сказала она, обдумав предложение Бена. – Если хотите, мы сейчас напишем контракт.

– Я только что хотел предложить вам это, – сказал самым серьезным тоном Бен, присаживаясь к одному из столов.

И в то время как его новая партнерша по предприятию наблюдала за ним, он важно уселся писать:

«Между нижеподписавшимися:

1) Жанной Эджертон, золотоискательницей, жительствующей...»

– Кстати, – спросил он, останавливаясь, – как написать ваш адрес?

– Пишите: Доусон, госпиталь.

Бен Раддл вновь взялся за перо.

«...в Доусоне, в госпитале, с одной стороны, и 2) господином Беном Раддлом, инженером, жительствующим в Монреале, по улице Жака Картье, д. № 29, с другой стороны, заключено следующее условие...»

Эдита и Сумми обменялись через стол взглядами – счастливым со стороны сиявшего Сумми и растроганным со стороны Эдиты, которая хорошо поняла этот маневр Бена.

Глава седьмая. Чилкут

Билл Стелл был прав, предпочитая перевал Чилкут Уайт-пассу. Хотя последний и начинается от самого Скагуэя, тогда как первый берет свое начало от Дайи, но после Уайт-пасса остается сделать еще около восьми лье в самых отвратительных условиях, чтобы достигнуть озера Беннетта, тогда как от озера Линдемана до перевала Чилкут всего шестнадцать километров, причем последнее озеро, его северная оконечность, находится всего в трех километрах от озера Беннетта.

То обстоятельство, что перевал Чилкут более труден, чем Уайт-пасс, так как на нем есть почти отвесный подъем в четыреста метров высоты, не могло остановить путешественников, у которых не было никакого тяжелого багажа. За Чилкутом зато их ожидала довольно хорошо содержащаяся дорога, по которой легко добраться до озера Линдемана. Таким образом, эта первая часть пути через горную территорию хотя и была утомительна, но все же не представляла очень больших трудностей.

Двадцать седьмого апреля, в шесть часов утра, Билл Стелл дал сигнал к отправлению. Эдита и Жанна Эджертон, Сумми Ским и Бен Раддл, Билл и его шесть подручных покинули Скагуэй и пустились в дорогу к Чилкуту. Для этой части путешествия, которое должно было закончиться у южной оконечности озера Линдемана, где Билл Стелл учредил свою главную станцию, оказалось достаточно двух саней, запряженных мулами. При самых благоприятных обстоятельствах этот переход не мог совершиться быстрее, чем в три-четыре дня.

На одних санях везли багаж. Другие были предназначены обеим молодым девушкам, которых защищала от резкого холода целая груда одеял и меховых вещей. Они никогда не воображали, что их путешествие совершится в таких условиях, и Эдита, высовывая свой розовый носик из-под мехов, не раз благодарила Сумми Скина, который упорно делал вид, что ничего не слышит.

Бен Раддл и он были очень счастливы, что могли оказаться им полезными. Какая это была приятная компания в таком ужасном путешествии! Даже Билл Стелл восхищался девушками.

К тому же Билл не скрыл от Эдиты, что ее ждут в Доусоне с нетерпением. Госпиталь был определённно переполнен, и несколько сиделок свалились от различных эпидемий, которые свирепствовали в городе. Тифозная лихорадка особенно была распространена в столице Клондайка. Жертвы ее насчитывались сотнями среди несчастных эмигрантов, которые прибыли уже анемичными, истощенными, выбившимися из сил, оставив по пути многих своих спутников.

«Великолепная страна! – иронически говорил себе Сумми Ским. – Мы здесь еще только проездом... Но эти две девушки... Им предстоит столько опасностей!..»

Провизию для перехода через Чилкут решено было, для облегчения саней, не брать. Билл знал по пути если не гостиницы, то постоялые дворы, где можно было закусить, а, в крайнем случае, даже и переночевать. Правда, за высокие цены. За постель из простой доски приходилось платить по полдоллара, а за скверный хлеб со свиным салом – единственное блюдо, которое можно здесь достать, – доллар. К счастью, таким несовершенным «комфортом» предстояло пользоваться лишь несколько дней. Караван Билла Стелла освобождался от него, как только достигал озерной области.

Погода была холодная; термометр стоял на минус десяти градусах Цельсия, при ледяном ветре. Некоторым утешением служило то обстоятельство, что по затверделому снегу сани двигались легко, и это было большим облегчением для мулов. Подъем был, в самом деле, очень крутой, и обыкновенно мулы, собаки, лошади, быки и олени дохнут здесь во множестве, так что перевал Чилкут, как и Уайт-пасс, усеяны их трупами.



Животные, несмотря на крики и удары, отказывались двигаться

Оставив Скагуэй, Билл направился к Дайи, следуя по восточному берегу канала. Его сани, менее нагруженные, чем другие, поднимавшиеся к горам, легко могли бы опередить их, но дорога была уже загромождена. В мутной пелене снежных метелей, которые свирепствуют

в этих узких ущельях, поднимая ослепляющие тучи снега, попадались только всякого рода повозки, стоявшие поперек дороги или опрокинутые, причем животные, несмотря на крики и удары, отказывались двигаться. Всё это сопровождалось самыми грубыми сценами. Одни старались протиснуться вперед, другие изо всех сил стремились помешать этому. Приходилось выгружать и вновь нагружать тяжести. Происходили споры, в воздухе висела брань, сыпались удары, кончавшиеся иногда револьверными выстрелами. При таких препятствиях волей-неволей приходилось держаться в хвосте.

Расстояние, отделяющее перевал от Скагуэя, невелико, и, несмотря на тяжелую дорогу, его можно было пройти за несколько часов. Уже к полудню караван Билла стоял на дневке.

Местечко Дайи было простым поселком из нескольких хижин, расположенных в конце канала. Но какая здесь царила невероятная суета! Больше трех тысяч эмигрантов теснились в этом зародыше будущего города, у перевала Чилкут.

Желая воспользоваться холодным временем, которое благоприятствовало санному пути, Билл Стелл хотел как можно скорее оставить городок Дайи. В полдень тронулись опять в путь: Бен Раддл и Сумми Ским пешком, обе молодые девушки – в санях. Нельзя было не любоваться дикими и грандиозными ландшафтами, которые открывались за каждым поворотом дороги. Это были или громоздившиеся по кручам ели и березы, покрытые инеем, или с шумом падающие в глубь оврагов, dna которых не мог разглядеть глаз, потоки, слишком мощные, чтобы их могли сковать морозы.

Становище Шип находилось на расстоянии всего четырех лье. Чтобы дойти до него, было достаточно нескольких часов, хотя вследствие крутизны перевала мулы часто останавливались. Погонщикам в таких случаях с трудом удавалось заставить их двинуться вновь.

Идя рядом с санями, Бен Раддл и Сумми Ским разговаривали с Биллом. На предложенный ему вопрос последний ответил:

– Я рассчитываю прибыть в урочище Шип около пяти или шести часов вечера. Мы остановимся там до утра.

– Мы найдем там постоянный двор, где могли бы отдохнуть наши спутницы? – спросил Сумми Ским.

– Найдем, – ответил Билл Стелл. – Становище это – обычный пункт стоянки эмигрантов.

– Но окажутся ли на этих постоянных дворах свободные места? – спросил Бен Раддл.

– Сомневаюсь, – заметил Билл. – Впрочем, эти постоянные дворы не очень-то привлекательны. Может быть, будет лучше, если мы раскинем на эту ночь собственные палатки.

– Господа, – сказала Эдита, – которая со своих саней услышала этот разговор, – мы не хотим ничем стеснять вас.

– Стеснять! – ответил Сумми Ским. – В чем могли бы вы нас стеснить? У нас ведь две палатки. Одну из них мы предоставим вам, другая будет для нас.

– И с двумя нашими печками, которые будут топиться до утра, – прибавил Билл Стелл, – нечего бояться холода, хотя он и изрядный сейчас.

– Это отлично, – заметила Жанна, – но вы не должны беречь нас. Мы не почетные гости. Мы ваши товарищи, которые заслуживают не больше внимания, чем все остальные. Если нужно ехать ночью, мы поедem. Мы хотим, чтобы к нам относились, как к мужчинам, и нам показалось бы оскорблением все, что было бы похоже на ухаживание.

– Будьте спокойны, – объявил, смеясь, Сумми Ским, – и не сомневайтесь, что мы заставим вас претерпеть и скуку, и трудности пути, в случае нужды мы их даже придумаем!

Караван достиг становища Шип около шести часов вечера. Когда он прибыл сюда, мулы оказались очень уставшими. Их поспешили распрячь, и люди Билла дали им корм.

Билл Стелл оказался прав, говоря, что постоянные дворы этой деревушки были лишены всякого комфорта. К тому же не было возможности найти свободное место. Поэтому Билл

велел установить под деревьями обе палатки на таком расстоянии от лагеря, чтобы можно было не слышать его ужасного шума.

Эдита и Жанна выступили тогда в главной роли. Их стараниями в мгновение ока одеяла и меховые вещи были превращены в достаточно мягкие постели. Затрещали затопленные печи. Путешественники удовлетворялись для ужина холодным мясом, но зато не было недостатка в горячих напитках – чае и кофе. Затем мужчины закурили трубки, и вечер прошел очень уютно, несмотря на то что снаружи термометр упал до семнадцати градусов ниже нуля.

Какие муки должны были испытать те из эмигрантов – их были сотни, – которые не нашли себе пристанища в становище Шип! Скольким женщинам, детям, уже утомленным с самого начала пути, не суждено добраться до цели!

На другое утро, с рассветом, Билл велел собрать палатки, чтобы успеть опередить эмигрантов на перевале Чилкут. Погода стояла сухая и холодная. Но если бы даже термометр опустился еще ниже, все же это было бы лучше, чем ветер и снежные вьюги, которых так боятся в полярной части Северной Америки.

Палатка Жанны и Эдиты была снята в тот момент, когда оба кузена выходили из своей. Тотчас же был приготовлен горячий кофе; затем таким же образом исчезла и вторая палатка. Несколько мгновений спустя, без всякого участия мужского персонала каравана, все вещи были уложены в сани в самом строгом порядке, так что они занимали возможно меньше места и могли притом каждая выниматься независимо от других. Бен Раддл, Сумми Ским и даже Билл Стелл были восхищены этой виртуозностью. Первый из них, видя превосходные методы своих новых «товарищей», начинал даже думать, что заключенный им в целях человеколюбия контракт в конце концов может оказаться выгодным делом.

Что касается Сумми, то он с удивлением любовался работой молодых девушек, за которыми ходил с пустыми руками, причем на запоздалые предложения своей помощи получал от них отказ.

Двигаться вперед пришлось не быстрее вчерашнего. По мере приближения к вершине горы склон становился все круче. По неровной, каменистой и изборожденной колеями дороге, которую оттепель сделала бы еще более отвратительной, мулы с трудом тянули сани.

По пути попадалась все та же шумная и бранящаяся толпа, те же препятствия, которые делают таким трудным перевал Чилкут. Часто приходилось против воли надолго останавливаться, когда дорогу загромождало скопление саней. Несколько раз Биллу и его людям пришлось силой прокладывать себе дорогу.

По бокам тропы, по мере подъема, все чаще попадались трупы мулов. Они падали от холода, усталости и голода, и собаки, запряженные в сани, бросались на эту неожиданную добычу, с рычанием отбивая одна у другой остатки пищи.

Но что было еще печальнее, нередко попадались и трупы эмигрантов, умерших от холода и усталости. Снежный холм, откуда выглядывала рука, или нога, или клочок одежды, – вот та временная могила, которую они находили здесь до весны. Сначала взгляд невольно приковывался к этим мрачным картинам, но мало-помалу привычка делала свое дело, и путешественники проходили мимо со всевозрастающим равнодушием.

Иногда по дороге встречались целые семьи: отцы, матери и дети, лежавшие на мерзлой земле и не имевшие сил двинуться дальше. Им никто не приходил на помощь. Эдита и Жанна при помощи своих спутников старались оказать помощь этим несчастным, привести их в чувство, влив в рот немного водки. Но что они могли сделать дальше? Приходилось бросать их и вновь продолжать тяжелый подъем по этой тропе смерти.

Каждые пять минут нужно было останавливаться или для того, чтобы дать вздохнуть мулам, или же вследствие загромождения дороги. В некоторых местах, на крутых поворотах, тропа была так узка, что некоторые возы не могли проехать. Нужно было их разгружать и перетаскивать вещи одну за другой, отчего терялось много времени для остальных саней.

В иных местах склон доходил до крутизны, превосходящей сорок пять градусов. Тогда животные, хотя и подкованные специально для льда, упрямылись, а иногда и вырывались. Их можно было заставить идти вперед лишь усиленными криками, ударами кнута, и шипы их подков оставляли глубокие впадины в снегу, на котором появлялись кровавые следы.

Около пяти часов вечера Билл остановил свой караван. Выбившиеся из сил мулы не в состоянии были больше сделать ни одного шага, хотя по сравнению с другими санями их груз был и невелик. Направо от тропы проходил овраг, по которому во множестве росли деревья. Под их прикрытием палатки могли избежать напора метели, которую можно было ожидать вследствие изменения температуры.

Билл Стелл знал место, где он уже несколько раз останавливался на ночь. Здесь по его указанию был разбит лагерь.

– Вы боитесь метели? – спросил его Бен Раддл.

– Да, ночь будет скверная, – ответил Билл, – надо быть очень осторожными со снежными бурями, которые здесь разыгрываются довольно часто.

– Но благодаря местоположению этого оврага мы будем здесь в безопасности, – заметил Сумми Ским.

– Я поэтому и выбрал его, – ответил Билл Стелл.

Опытный Билл не ошибался. Буря, которая началась около семи часов вечера и продолжалась до пяти часов утра, была ужасна. Она сопровождалась такой метелью, что нельзя было разглядеть друг друга на расстоянии двух метров. Поддерживать топку печей оказалось делом трудным, так как ветер загонял в них дым назад, и, кроме того, трудно было собирать во время метели топливо. Хотя палатки и устояли, но часть ночи Сумми Скиму и Бену Раддлу все же пришлось сторожить, чтобы не унесло палатку, в которой приютились молодые девушки.

Это несчастье случилось с большинством тех палаток, которые были разбиты вне оврага. Когда настал день, глазам представилась со всей ясностью разрушительная сила бури. Разбежавшиеся животные, порвавшие свои постромки, опрокинутые сани, из которых некоторые слетели на дно оврагов, где ревели потоки, семьи в слезах, тщетно взывающие о помощи, которую им никто не мог оказать, – такова была печальная картина разрушения.

– Бедные люди!.. Бедные люди!.. – бормотали девушки. – Что будет с ними?

– Это не наше дело, – объявил грубо Билл, старавшийся скрыть свое волнение под внешней суровостью. – И так как мы не можем ничего сделать, то лучше всего сейчас же двинуться дальше.

Не откладывая, он дал сигнал к отъезду, и караван снова начал подъем.

Между тем буря с рассветом затихла. С той неожиданностью, какая замечается в этих возвышенных местах, ветер переменялся на северо-восточный, и температура опять упала до двенадцати градусов ниже нуля. Толстый слой снега, покрывавший почву, тотчас приобрел большую плотность.

Вид окрестности изменился. Вместо лесов протянулись снежные равнины, блеск которых слепил глаза. Путешественники, которые не запаслись синими очками, вынуждены были в этих случаях мазать себе ресницы и веки древесным углем.

По совету Билла, Бен Раддл и Сумми Ским прибегли к этой предосторожности, но уговорить сделать то же Эдиту и Жанну им не удалось.

– Как же будете вы искать самородки, госпожа Жанна, если у вас воспалятся глаза? – тщетно взывал Бен.

– А вы, сударыня, как будете ухаживать за больными? – обратился Сумми к Эдите. – Хотя бы за ними, потому что, я уверен, с нами случится какое-либо несчастье в этой чертовой стране и вы окажетесь нашей сиделкой в госпитале в Доусоне.

Это красноречие пропало даром. Обе молодые девушки предпочли спрятаться под своими капюшонами, чтобы не смотреть на снег, но пачкать себе глаза отказались.

Вечером 29 апреля караван остановился на вершине перевала Чилкут, где и был разбит лагерь. На другой день предстояло принять меры, чтобы начать спуск по северному склону гор.

В этом месте, совершенно открытом для всех резкостей погоды, скопление путников оказалось чрезвычайным. Здесь было их свыше трех тысяч. Тут обычно устраивают потайные склады для материалов. Так как спуск очень труден, то приходится брать с собой, во избежание несчастных случаев, груз по частям. Поэтому все эти помешанные, которым мираж Клондайка дает сверхъестественные энергии и упорство, спустившись к подножию горы с частью груза, вновь поднимаются на вершину, где берут второй транспорт, и так далее до пятнадцати, до двадцати раз, если это нужно, в течение многих дней. Вот тут-то оказывают неоценимые услуги собаки, которых впрягают в сани или же заставляют тащить груз на воловьих шкурах, легко скользящих по затверделому снегу.

Большинство эмигрантов, мучения которых при спуске вследствие резкого северного ветра, свободно дующего на этом склоне Чилкута, должны были увеличиться, остановились здесь лагерем. С этого пункта все они видели перед собой равнину Клондайка. Она была у их ног, эта сказочная территория, которую их воспаленное воображение превращало в громадное золотое поле, где для них лежали несметные богатства, источник сверхчеловеческого могущества. Они стремились к этому таинственному Северу всеми своими силами, со всей стремительностью грезы, от которой большая часть их должна была очнуться вскоре в ужасной действительности!

Билл Стелл и его караван не были намерены задерживаться на вершине. Для этих счастливых не было надобности после спуска с горы подниматься на нее вновь. Когда они достигнут равнины, им останется лишь пройти несколько лье до озера Линдемана.

Лагерь устроили, как обычно. Но эта последняя ночь оказалась одной из худших. Температура резко повысилась, и метель разыгралась с новой силой. Палатки, не находившиеся в этот раз под прикрытием в овраге, несколько раз срывались ветром со своих кольев. Чтобы палатки не унесло метелью, пришлось их сложить. Осталось лишь завернуться в одеяла и философски ждать рассвета.

«В самом деле, – думал Сумми Ским, – всей философии старых и новых философов едва ли было бы достаточно, чтобы заставить предпринять это ужасное путешествие, особенно, когда никто не принуждает вас к этому!»

Во время редких затиший раздавались крики муки и ужаса, отвратительные ругательства. К стонам раненых, которых опрокидывал ветер, примешивались лай, ржание и мычание животных, которые, как угорелые, метались по плоскогорью.

Наконец наступил рассвет 13 апреля. Билл Стелл дал сигнал к выступлению. Вместо мулов в сани, на которые, впрочем, никто не сел, были запряжены собаки, и спуск начался.

Благодаря осторожности и опытности Билла спуск этот совершился без приключений, хотя и не без труда, и сани благополучно достигли равнины. Погода становилась благоприятнее. Ветер поворачивал к востоку и становился менее резким, столбик термометра поднимался. К счастью, температура все же держалась ниже нуля. В случае оттепели движение было бы затруднено.

У подножия горы расположились лагерем в ожидании своего груза многие эмигранты. Дорога здесь была широка и потому менее загромождена, чем в горах. Вокруг расстилались леса, где в полной безопасности могли быть раскинута палатки.

Караван провел здесь ночь, а на следующее утро по довольно хорошей дороге двинулся дальше и около полудня достиг южной оконечности озера Линдемана.

Глава восьмая. К северу

Послеполуденное время было посвящено отдыху. К тому же надо было сделать некоторые приготовления для плавания по озерам, чем немедленно и занялся Билл Стелл. Нужно сказать правду, Сумми Ским и Бен Раддл могли поздравить себя, что взяли такого осторожного и умелого проводника, как этот Билл.

Склад Билла Стелла находился у оконечности озера Линдемана, в становище, уже переполненном тысячами путешественников. Здесь, у подножия холма, проводник устроил свою главную станцию. Станция эта состояла из небольшого домика, разделенного на несколько отдельных комнат. К домику примыкали сараи, в которых стояли сани и другие средства передвижения. За ними были расположены хлева для копытных животных и помещение для упряжных собак.

Несмотря на то, что Уайт-пасс выходил прямо к озеру Беннетта, минуя озеро Линдемана, большинство эмигрантов начинали уже предпочитать перевал Чилькут. На последнем озере – было ли оно покрыто льдом или свободно от него, безразлично – переправа совершалась в лучших условиях, чем через громадную равнину и густые леса, отделяющие Уайт-пасс от южного берега озера Беннетта. Таким образом, выбранная Биллом станция приобретала все большее значение. И дела его продвигались хорошо, во всяком случае, более удачно, чем у золотоискателей в Клондайке.

Впрочем, Билл Стелл был далеко не единственным человеком, который занимался здесь выгодным ремеслом проводника. Кроме него этим же занимались и другие – или на этой же станции озера Линдемана, или же на станции озера Беннетта. Можно даже сказать, что этих предпринимателей канадского или американского происхождения не хватало для тысяч эмигрантов, которые стекались сюда в это время года.

Правда, большинство их не обращались ни к Биллу, ни к его товарищам по ремеслу из соображений экономии. Но в таком случае этим эмигрантам приходилось везти все нужные инструменты и материалы из Скагуэя, тащить на санях разборные лодки из дерева или парусины, а читатель уже видел, какие затруднения они вынуждены были испытывать с этим тяжелым грузом, переваливая через горную цепь Чилкута. Не меньшие затруднения встречает путешественник и на перевале Уайт-пасс; добрая половина груза ломается и бросают по дороге.

Некоторые, чтобы избежать затруднений и издержек перевозки, предпочитают приобретать лодки на месте или строят их сами. В этой лесистой области недостатка в строительном материале нет, и около станции Линдемана образовались уже лесопилки и лесные склады.

По прибытии каравана Билл Стелл был встречен своими служащими – несколькими лоцманами, которых он держал для переправы лодок от озера до реки Юкон. На их ловкость можно было положиться; они знали всё необходимое для этого трудного плавания.

Так как температура стояла довольно низкая, то Сумми Ским, Бен Раддл и их спутницы были очень довольны, что удалось расположиться в доме Билла, где им предоставили лучшие комнаты. Вскоре они все собрались в общем зале, где чувствовалась приятная теплота.

– Ну, – сказал Сумми Ским, садясь, – самое трудное сделано.

– Гм! – сказал Бен Раддл. – В смысле трудностей – пожалуй. Хотя... не надо забывать, что нам остается до Клондайка проехать еще несколько сот лье.

– Я знаю это, Бен, – ответил Сумми Ским, – но я думаю, что эта, вторая, часть путешествия пройдет без опасностей и затруднений.

– Вы ошибаетесь, господин Ским, – заметил Билл.

– Но ведь нам придется только плыть по течению рек и озер?

– Так было бы, если бы уже наступило лето. К несчастью, ледоход еще не начинался. Когда он начнется, наша лодка окажется среди плавучих льдов, и нам не раз придется испытать большие затруднения.

– В таком случае, – воскликнул Сумми Ским, – трудно туристу найти комфорт в этом проклятом крае!

– Он будет тогда, – заметил Бен Раддл, – когда осуществится мысль о железной дороге. Для этой работы инженер Хаукинс будет иметь в своем распоряжении две тысячи рабочих.

– Ну... ну, – воскликнул Сумми Ским, – я надеюсь вернуться раньше этого! Не будем считаться поэтому с предполагаемой железной дорогой, а, если хотите, рассмотрим лучше тот маршрут, который нам предстоит теперь избрать.

Билл одобрил это предложение и разложил на столе грубо начерченную карту области.

– Вот, прежде всего, – сказал он, – озеро Линдемана, которое тянется у подножия Чилкута и которое нам нужно пройти на всем его протяжении.

– Этот переход длинный? – спросил Сумми Ским.

– Нет, – ответил Билл, – когда поверхность озера покрыта льдом или совершенно свободна от него, тогда это дело легкое.

– А затем? – спросил Бен Раддл.

– Затем нам придется протаскать лодку и багаж на расстояние около полулье до станции озера Беннетта. Скорость этой операции опять-таки зависит от температуры. Вы сами могли заметить, как она резко меняется день ото дня.

– В самом деле, – продолжал Бен Раддл, – разница доходит до двадцати – двадцати пяти градусов, смотря по тому, дует ли ветер с севера или с юга.

– Вообще, – прибавил Билл Стелл, – нам нужна или оттепель, чтобы можно было плыть, или сухая морозная погода, чтобы затвердел снег, по которому можно тащить лодку, как сани.

– Наконец, – сказал Сумми Ским, – мы добрались до озера Беннетта. Зачем?..

– Это озеро, – объявил Билл, – тянется на двенадцать лье. Но чтобы пройти его, потребуется не меньше трех дней, так как придется делать остановки.

– За ним, – сказал Сумми Ским, рассматривая карту, – есть еще второй волок?

– Нет, озеро Беннетта соединяется с озером Тагиш через Рио-Карибу, которая тянется на семь или восемь лье и впадает в озеро Марш, приблизительно такой же длины. Покинув его, придется подняться на десять лье по извилистой реке, на которой встречаются пороги Уайтхорз, довольно опасные и тяжелые для плавания. Затем мы достигнем реки Такин. Наибольшие задержки могут произойти именно на этой части пути, когда придется проходить порогами. Мне уже однажды пришлось стоять около недели в верховьях озера Лабарж.

– Это озеро судоходно? – спросил Бен Раддл.

– Вполне, на протяжении всех его тринадцати лье, – ответил Билл Стелл.

– В общем, – заметил Бен Раддл, – если не считать нескольких сухопутных переездов, лодка доставит нас до Доусона?

– Прямехонько, господин Раддл, – ответил Билл Стелл, – и если принять все обстоятельства во внимание, то все-таки путешествие по воде – самое легкое.

– А какое расстояние отделяет озеро Лабарж от Клондайка по рекам Юкон и Льюис? – спросил Бен Раддл.

– Считая объезды, около ста пятидесяти лье.

– Я вижу теперь, – заявил Сумми Ским, – что мы далеко еще не прибыли на место.

– Конечно, – ответил Билл. – Когда мы достигнем Льюиса, у северной оконечности озера Лабарж, мы будем как раз на полпути.

– В таком случае, – заключил Сумми Ским, – в ожидании этого долгого путешествия наберемся сил и, пользуясь возможностью провести спокойную ночь на станции озера Линдемана, пойдем спать.

Это была действительно одна из лучших ночей, проведенных обоими кузенами со дня отъезда из Ванкувера. Хорошо протопленные печи поддерживали в защищенном от ветра домике высокую температуру.

Было девять часов, когда на другой день, 1 мая, Билл дал сигнал к отправлению. Большая часть людей, сопровождавших проводника от Скагуэя, должны были идти с ним до Клондайка. Их помощь была нужна для того, чтобы волочить лодку, как сани, пока нельзя еще было плыть по озерам и спускаться по течению Льюиса и Юкона.

Что касается собак, то они принадлежали к местным породам. Эти животные, замечательно акклиматизировавшиеся, имеют лапы без шерсти. Это дает им возможность легче бегать по снегу, не застревая в нем. Но из того, что они акклиматизированы, не следует, что они ручные. По правде говоря, эти собаки остались, по-видимому, такими же дикими, как волки или лисицы.

И проводникам удастся их подчинить себе отнюдь не лаской и не сладостями.

Среди людей Билла Стелла находился теперь лоцман, который должен был во время плавания править лодкой. Это был индеец из Клондайка по имени Нелуто, уже девять лет находившийся на службе у Билла. Он хорошо знал свое дело, прекрасно изучил все трудности переходов по озерам, рекам и порогам, и на его ловкость можно было положиться. До того как его пригласил к себе Билл, Нелуто долго служил в компании Гудзонова залива, выполняя обязанности проводника по этой обширной территории и оказывая услуги охотникам за пушным зверем. Нелуто великолепно знал край, который он прошел по всем направлениям, даже за Доусоном, у границы полярного круга.

Нелуто достаточно владел английским языком, чтобы изъясняться понятно. Впрочем, вне всего, что касалось его ремесла, он был неразговорчив, и у него, как говорится, приходилось вырывать слова из горла. Между тем этот человек, привычный к климату Клондайка, мог сообщить много полезного. Поэтому Бен Раддл счел нужным спросить его, что он думает о погоде и о времени наступления ледохода.

Нелуто объявил, что если не произойдет резкой перемены в состоянии атмосферы – что нередко случается в этих широтах, – то нельзя ожидать оттепели и ледохода раньше, чем через две недели.

Бен Раддл мог думать, что ему угодно, по поводу этого неопределенного ответа. Во всяком случае, он должен был отказаться от надежды получить более точные указания от человека, решившего, очевидно, ничем себя не компрометировать.

Если будущее оставалось, таким образом, неопределенным, то настоящее было ясно. По озеру Линдемана предстояло не плыть, а двигаться санным путем; Жанна и Эдита могли поместиться, впрочем, в лодке, которую должны были тащить по льду.

Погода стояла тихая, резкий ветер, дувший накануне, стихал и переходил в южный. Однако мороз еще держался около двенадцати градусов ниже нуля. Это обстоятельство было очень благоприятным для путешествия, которое становится чрезвычайно затруднительным во время снежных метелей.

Озеро Линдемана прошли около одиннадцати часов; одного часа оказалось достаточно, чтобы преодолеть два километра, отделяющих его от озера Беннетта, и в полдень Билл и его караван остановились на станции, расположенной у его северной оконечности.

На этой станции скопление эмигрантов было так же велико, как и в становище Шип, у перевала Чилкут. В ожидании возможности двинуться дальше, станцию занимали несколько тысяч человек. Со всех сторон возвышались палатки, которые в случае продолжения этого наплыва в Клондайк еще в течение нескольких лет надо были заменить хижинами и домами.

Уже и теперь в этом зародыше деревни, которой суждено сделаться поселком и затем городом, находились постоянные дворы – будущие гостиницы, лесопилки и лесные склады, рас-

кинутые по берегам озера, не говоря уж о помещениях для полиции, обязанности которой среди этих авантюристов крайне опасны.

Индеец Нелуто мудро сделал свое предсказание погоды. После полудня в атмосфере произошла резкая перемена. Ветер переменился на южный, и термометр поднялся до нуля по Цельсию. Это был признак, в значении которого не приходилось сомневаться. Было ясно, что зима кончилась и ледоход должен был, очевидно, скоро освободить ото льда поверхность озер и рек.

Озеро Беннетта уже и теперь было отчасти свободно ото льда. Среди снежных и ледяных полей на нем образовались водные каналы, по которым, удлиняя, впрочем, дорогу, можно было плыть в лодке.

К вечеру температура поднялась еще выше; оттепель усилилась; льдины начали отделяться от берега и поплыли к северу. Таким образом, если в ближайшую ночь не наступит мороз, можно уже без особых затруднений плыть до северной оконечности озера.

За ночь температура не упала, и утром 2 мая Билл Стелл сообщил, что плавание может совершиться при довольно благоприятных обстоятельствах. Дувший с юга ветер, если бы он продержался, позволял идти под парусом, так как был попутным.

Когда на рассвете Билл захотел уложить в лодку багаж и провизию, он заметил, что все было уже сделано. Еще накануне вечером Эдита и Жанна занялись этим. Под их наблюдением все было уложено с такой аккуратностью, какой никогда не добился бы Билл. Каждый уголок был использован, и все вещи, от самых больших до самых мелких, были разложены в образцовом порядке, который приятно было видеть.

Когда оба кузена подошли к Биллу, он сообщил им о своем изумлении.

– Да, – ответил Бен Раддл, – они удивительные девушки. Энергия и постоянно хорошее настроение Жанны непобедимы, хотя и мягкая твердость Эдиты имеет в себе что-то исключительное. Я начинаю думать, что действительно сделал хорошее дело.

– Какое дело? – спросил Билл Стелл.

– Вы не поймете этого... Но скажите мне, Билл, – продолжал Бен Раддл, – что вы думаете о погоде? Покончили мы с зимой?

– Я не хотел бы высказывать определенного мнения, – ответил Билл. – Но кажется, что озера и реки скоро освободятся ото льда. К тому же, следуя по свободной воде, наша лодка, даже если мы удлиним этим путь...

– ...все-таки все время пойдет водой, – окончил за него Сумми Ским. – Тем лучше.

– Что думает Нелуто? – спросил Бен Раддл.

– Нелуто думает, – объявил индеец, – что если температура не упадет, то оттепель не прекратится.

– Отлично! – заметил Бен Раддл, смеясь. – Вы не рискуете ошибиться, мой милый... Но не следует ли опасаться ледохода?

– О, лодка крепкая, – подтвердил Билл Стелл. – Она уже была в деле во время ледохода. Бен обратился к индейцу:

– Не выскажете ли вы, Нелуто, более определенно свое мнение?

– Вот уже два дня, как первые льды двинулись, – ответил лодчман, – и надо думать, что север озера уже очистился.

– А! – сказал Бен, – вот, наконец, и мнение. А что вы думаете о ветре?

– Он начался за два часа до рассвета и благоприятствует нам.

– Это, конечно, факт. Но продержится ли ветер?

Нелуто обернулся и обвел взглядом южный горизонт, который был закрыт горами Чилкут. По склону горы едва виднелись маленькие облачка. Протянув руку в этом направлении, лодчман ответил:

– Я думаю, сударь, что ветер продержится до вечера...

– Очень хорошо!

...если только до вечера не переменится, – закончил Нелуто с самым серьезным видом.

– Спасибо, лоцман, – поблагодарил его Бен, – теперь я вполне осведомлен.

Лодка Билла была похожа на барку и имела двенадцать метров в длину. На корме ее был устроен крытый навес, под которым два или три человека могли спать и укрыться от снежной метели или дождя. Это судно с плоским дном, неглубоко сидящее в воде, имело в ширину два метра, что позволяло ему нести довольно большой парус. Последний имел форму рыбацкого паруса и прикреплялся одной стороной к носу, а другой – к вершине мачты высотой в пять метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.